

О галлюцинаціяхъ и псевдогаллюцинаціяхъ.

Психолого-критическое изслѣдованіе.

В. И. РУДНЕВА.

Б. приватъ-доцента Новороссійскаго Университета,
директора Саратовской психіатрической лечебницы.

Галлюцинаціи и псевдогаллюцинаціи представляютъ интереснѣйшія расстройства у душевно-больныхъ; онѣ причисляются къ элементарнымъ обманамъ чувствъ. По моему мнѣнію, такое причисленіе ихъ къ обманамъ чувствъ совершенно неправильно, ихъ надо отнести къ обманамъ ума, что я и надѣюсь доказать дальше, указавъ на то, что чувства при нихъ не обманываются, а также, что онѣ совсѣмъ не элементарны, но представляютъ результатъ сложныхъ психическихъ процессовъ. Что такое обманъ чувствъ? Подъ этимъ разумѣютъ несоотвѣтствующее своему предмету дѣйствительное чувственное воспріятіе. Наличие предмета необходима, чтобы былъ обманъ, но если нѣтъ никакого предмета, а душевно-больному кажется, что онъ воспринимаетъ его, то здѣсь нѣтъ обмана чувствъ, ибо и нѣтъ предмета, который бы обманулъ чувства, а есть обманъ ума.

Въ настоящее время уже доказано *Binet*, что въ „иллюзіи чувствъ ошибка зависитъ не отъ самихъ чувствъ, какъ полагали древніе, а отъ ума“.

Binet ¹⁾ приводитъ примѣръ, когда мерцаніе болотнаго огонька вызвало у него картину цыганскаго табора, или, какъ смотря на вывѣску ресторана, онъ прочиталъ на ней латинское названіе травы. Развѣ здѣсь былъ обманъ чувствъ, разсуждаетъ *Binet*; чувство зрѣнія не могло ошибиться, такъ какъ оно, подобно фотографической пластинѣ, точно передаетъ воспринимаемые объекты, но субъектъ создаетъ своей фантазіей образы, которые его и обманываютъ. *Binet* читалъ надпись въ своемъ умѣ и не ошибся въ этомъ отношеніи, и глазъ не виноватъ, что не было принято его точное показаніе.

Относительно псевдогаллюцинацій еще *Baillarger* ²⁾ утверждалъ, что онѣ являются созданіемъ воображенія, а *Кандинскій* ³⁾ наблюдалъ больныхъ, которые очень хорошо понимали и чувствовали, что никакого предмета передъ ними нѣтъ, а видятъ они „духовными очами, а слѣдовательно, объ обманѣ тѣлесныхъ очей не могло быть и рѣчи. Равнымъ образомъ, и при галлюцинаціяхъ нѣкоторые больные *К.* признавали, что онѣ субъективнаго характера.

Но, быть можетъ, мнѣ возразятъ, что для обмана чувствъ нѣтъ никакой необходимости, чтобы предметъ былъ на лицо, вѣдь галлюциванты не только вѣрятъ, но, какъ подчеркиваетъ *Kraepelin* ⁴⁾, и на самомъ дѣлѣ видятъ различные предметы, которыхъ въ дѣйствительности нѣтъ передъ ними, т. е. испытываютъ такія же чувства, какъ и здоровые при видѣ предметовъ. Но при чемъ же здѣсь чувства? Если больные испытываютъ такія же чувства, какъ и здоровые, то ихъ чувства очевидно, не ошибаются, а слѣдовательно, ошибка въ томъ, что душевно-больные вѣрятъ своимъ чувствамъ, но, вѣдь, и здоровый человѣкъ вѣритъ своимъ чувствамъ. Въ чемъ же заклю-

¹⁾ *Binet*. Психологія умозаключенія. Р. П. 1889 г.

²⁾ *Baillarger*. Des hallucinations. Memoir. de l'académ. royal. en 1844.

³⁾ *Кандинскій*. О псевдогаллюцинаціяхъ. 1890 г.

⁴⁾ *Kraepelin*. Психіатрія. Р. П. 1889 г.

чается обманъ? А въ томъ, что нѣтъ предмета, наличность котораго признаетъ больной, и онъ обманывается не въ томъ, что видитъ этотъ предметъ, а въ томъ, что онъ убѣжденъ въ его существованіи, т. е., здѣсь есть обманъ, но не по отношеніи къ чувствамъ, а по отношеніи къ уму: онъ обманутъ, онъ ошибается, и не потому, чтобы его обманывали чувства (они даже не участвуютъ въ процессѣ), а потому что образъ, который умъ смѣшиваетъ съ чувствомъ, образъ, облекшійся въ тогу чувствъ, вводитъ его въ заблужденіе; онъ самообманывается и, не вѣдая всей подлядки дѣла, все сваливаетъ на чувства. Говорятъ, что здѣсь происходитъ обманъ чувствъ, что здѣсь страдаютъ чувственные центры, и всѣ эти явленія чувственны, но вѣдь чувственно только то, что человѣкъ воспринимаетъ чувственнымъ центромъ; если же какое-либо явленіе только кажется чувственнымъ, то это еще не доказываетъ дѣятельности чувственнаго центра, а можетъ быть продуктомъ чисто интеллектуальнымъ. Стоить только отрѣшиться отъ прежней предвзятой точки зрѣнія на чувства при галлюцинаціяхъ, а больному отъ самообмана, какъ все дѣло представится весьма ясно.

*Мопассанъ*¹⁾, видя своего двойника, правильно разсуждаетъ: „это есть галлюцинація, и если не имѣть капельки здраваго смысла, то можно было бы испугаться“, т. е. сойти съ ума, повѣрить существованію того предмета (двойника), который видишь, обмануться умомъ, подвергнуться самообману. Эта психическая операція *Мопассана*, при которой сохраняется въ извѣстномъ сознаніи самосознаніе, т. е., критическое отношеніе къ данному воспріятію, есть удѣлъ весьма немногихъ—здоровыхъ, но не душевно-больныхъ (исключенія весьма рѣдки), которые не только не могутъ отнестись критически, но даже не въ состояніи этого сдѣлать, такъ какъ

¹⁾ *Мопассанъ*. Сочиненія. Р. П. 1896. О меланхоліи *Мопассана*.

и галлюцинація у нихъ есть слѣдствіе именно душевнаго разстройства, а не болѣзни чувствъ.

Извѣстно, что галлюцинировать и псевдогаллюцинировать зрѣніемъ, напр., можно не только при открытыхъ, но и при закрытыхъ глазахъ. Спрашивается, можно ли здѣсь говорить объ обманѣ зрѣнія, когда зрительный нервъ не получаетъ никакихъ раздраженій, а слѣдовательно, центръ даже лишенъ возможности обманываться.

Да вѣдь нисколько не важно, чтобы глаза были и открыты. Тотъ же *Binet*¹⁾ и другіе рядомъ весьма интересныхъ опытовъ со внушеніемъ у истеричныхъ показали, что субъектъ можетъ смотрѣть на какой-нибудь предметъ и не видѣть его, а видѣть лишь то, что ему приказано, напр., шляпу на головѣ д-ра, а его самого нѣтъ, или однимъ глазомъ видѣть, а другимъ нѣтъ, или даже одной половиной глаза видѣть, а другою нѣтъ и т. д., такъ что, если бы глазъ и дѣйствовалъ правильно, т. е., зрительный нервъ вѣрно передавалъ то зрительное раздраженіе, которое онъ получаетъ, и центръ не ошибался, умъ всетаки не принялъ бы его показаній, а слѣдовательно, ошибался бы умъ. Если же признать, что здѣсь происходитъ обманъ чувства, т. е. зрѣнія, то выходитъ, что это чувство не ошибается по отношенію къ шляпѣ д-ра и ошибается по отношенію къ собственной его особѣ.

Такимъ образомъ, предположеніе объ обманѣ чувствъ при галлюцинаціяхъ, какъ видно, можетъ вести къ очень курьезнымъ заключеніямъ, а потому уже лучше говорить объ ошибкахъ ума. Да и почему именно чувства, которыми больной такъ прекрасно можетъ пользоваться въ теченіе 24 часовъ въ сутки, вдругъ на нѣсколько секундъ начинаютъ ошибаться и вводятъ его въ такое тяжкое заблужденіе. Бываетъ даже и такъ, что чувства, исполняя свою скромную, служебную и

¹⁾ *Binet*. Психологія умозаключенія. 1889.

полезную для организма роль, работают, тогда какъ умъ неизвѣстно, гдѣ блуждаетъ, и вотъ оказывается, что въ бессознательной сферѣ сохранился образъ правильно воспринятаго предмета, который ускользнулъ отъ вниманія ума. Иногда при болѣзни обнаруживаются у человѣка свѣдѣнія, которыя онъ незамѣтно приобрѣлъ благодаря чувствамъ: примѣръ: служанка пастора въ бреду произносившая греческіе и латинскіе стихи, которые запечатлѣлись у нея вслѣдствіе того, что пасторъ имѣлъ обыкновеніе читать ихъ вслухъ.

При объясненіи галлюцинацій авторы, какъ мнѣ кажется, мало придавали значенія эмоціямъ, которыя сопровождаютъ галлюцинаціи, каковое обстоятельство служитъ отчасти причиною первыхъ.

Ученіе о галлюцинаціяхъ въ настоящее время должно быть рассмотрѣно съ точки зрѣнія послѣднихъ научныхъ данныхъ, касающихся взаимнаго отношенія мозговыхъ центровъ, т. е. явленій антагонизма, иррадіаціи, наркоза центровъ, и вообще ученія объ ассоціативной дѣятельности центровъ, такъ какъ съ этой точки зрѣнія можно гораздо яснѣе понять какъ патогенезъ, такъ и въ особенности механизмъ галлюцинацій, который, въ сущности, довольно простъ и носитъ автоматическій характеръ.

На основаніи наблюденія, а также экспериментальнаго изученія галлюцинацій и соотвѣтствующей литературы, я позволю себѣ въ дальнѣйшемъ высказать собственный взглядъ по этому вопросу, отмѣтивъ вліяніе памяти на содержаніе галлюцинацій. Теперь же изложу пока результаты наблюденія одного больного. Отвѣты и рассказы его я помѣстилъ въ опредѣленномъ порядкѣ, давъ имъ соотвѣтствующія заглавія или же оставивъ обозначеніе самого больного, какъ точно опредѣляющее содержаніе его разсказа.

Производя распросы по опредѣленному плану, я старался исчерпать, какъ всю психическую жизнь больного, такъ и въ особенности всѣ тѣ психическіе процессы, которые такъ

или иначе вліяють на появленіе, содержаніе и ходъ галлюцинацій, сложный составъ которыхъ постепенно отърывается передъ нами, и вмѣстѣ съ тѣмъ выясняется и тотъ простой законъ (психическій автоматизмъ), которому подчиняются галлюцинаціи. Я буквально записалъ рѣчи больного, чтобы каждый читатель самъ могъ себѣ составить заключеніе, слѣдуя совѣту психолога *Тэна*¹⁾, по которому психіатры должны писать подѣ дѣтвоему больныхъ, и это доставить психологамъ то, чего имъ не достаетъ.

А н а м н е з ъ .

Больной разсказалъ о себѣ слѣдующее, „я жилъ въ деревнѣ до 6 лѣтъ; когда мнѣ было 3 года лошадь ударила меня ногой по лицу, по носу. Учился съ 5 л. въ школѣ, учитель меня билъ, такъ какъ я плохо понималъ науки. Когда мнѣ было 19 л. (вотъ сейчасъ голосъ мнѣ напомнилъ фамилію магазина Гринберга, такъ какъ я сейчасъ не могъ вспомнить) я былъ въ магазинѣ Гринберга, куда заходилъ покупать папиросы. Сынъ Г. объяснилъ мнѣ, что такое онанизмъ и показалъ мнѣ рукой, какъ это дѣлается. Это событіе меня очень удивило, такъ какъ до сего времени я не занимался онанизмомъ, хотя это слово однажды слышалъ отъ своего сослуживца хозяина большаго шарлатана, который спросилъ меня, не занимаюсь ли я онанизмомъ. Я улыбнулся и сказалъ, что нѣтъ и даже не зналъ, что это значить. Прошелъ цѣлый годъ или нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, какъ Г. продѣлалъ передъ мной актъ онанизма, я самъ это повторилъ на себѣ, получилъ истеченіе сѣмени и не помню, почувствовалъ ли тогда какое либо половое удовлетвореніе, но помню былъ октябрь мѣсяць. Занимался онанизмомъ до 1-го мая, въ теченіе 7 мѣсяцевъ.

Въ этотъ день былъ праздникъ еврейской троицы, я это себѣ замѣтилъ, потому что съ 1 мая я прекратилъ занятіе онанизмомъ. Въ теченіе 7 мѣсяцевъ я каждый день занималъ-

¹⁾ *Тэнз.* Объ умѣ и познаніи. Р. П. 1894, предисловіе,

ся раза по 2 въ день онанизмомъ. Въ первый разъ я имѣлъ сношеніе съ женщиной 16—17 л., при этомъ сейчасъ же получилъ триперъ, который лѣчилъ у аптекаря. Мой товарищъ повелъ меня въ публичный домъ (вотъ я вспомнилъ, что фамилія аптекаря Трощъ). Послѣ занятій онанизмомъ, былъ у женщинъ еще 2 раза, имѣлъ триперъ, и тогда уже обратился снова къ онанизму, послѣ того прекратилъ сношеніе съ женщинами уже 21 годъ“.

Начало болѣзни.

„Въ сентябрѣ 1893 г. сынъ моего хозяина д-ръ Сигаль, узнавъ черезъ посторонняго студента, что я былъ онанистъ (студентъ этотъ опредѣлилъ по моему лицу), сказалъ, что онъ уѣдетъ въ Кіевъ и оттуда пришлетъ бумагу объ увольненіи меня со службы и тамъ подастъ въ академію бумагу, чтобы мнѣ сдѣлали анатомію. Я ничего не отвѣтилъ на это. Спустя нѣсколько дней Сигаль подошелъ съ другимъ студентомъ къ окну дома К., гдѣ я жилъ и повторилъ, что мнѣ нужно дѣлать анатомію. Послѣ этого я ходилъ задумчивымъ и думалъ, что въ самомъ дѣлѣ мнѣ должно дѣлать анатомію и разрѣзать животъ. Я уволился 10 сент. 1893 г. отъ Сигала, такъ какъ ко мнѣ недружелюбно относился и преслѣдовалъ меня управляющій магазиномъ С., и я поступилъ преподавателемъ въ другое мѣсто; д-ръ же С. меня преслѣдовалъ, куда я иду, чтобы снова мнѣ внушить, что мнѣ нужно сдѣлать анатомію. 26 янв. 1894 г. по обыкновенію я занимался въ одной комнатѣ съ ученикомъ, а въ другой комнатѣ рядомъ стоялъ д-ръ С. съ тѣмъ студентомъ, который объяснилъ ему о моемъ онанизмѣ, и тамъ же былъ мой родственникъ кандидатъ правъ Г. (я же объ этомъ не зналъ, что они тамъ всѣ находятся, и занимался своимъ дѣломъ). Я диктовалъ своему ученику и не сказалъ нарочно въ концѣ точку, вдругъ выбѣжалъ изъ сосѣдней комнаты д-ръ С. со своими спутниками, врывался „не сказалъ точки, забылъ“, потомъ онъ началъ спрашивать у дочери моего патрона Б., не сижу ли я постоянно на одномъ мѣстѣ, не смѣюсь ли я, не свищу ли я, не ставлю ли я кашу постоянно на одно мѣсто (онъ говорилъ, что я идиотъ и потому ставлю валопы на одно мѣсто). Онъ же сказалъ, какъ такой человѣкъ ходитъ по городу безъ галлюцинацій“.

Я услышалъ о разговорѣ съ дочерью Б. такъ какъ я еще не ушелъ изъ передней. Узнавъ, что я завтра уѣзжаю, д-ръ С. сказалъ, что онъ оболетъ меня сѣрной кислотой, и не имѣю ли я съ собой ножа и что онъ перекинеть мою повозку и, сію же минуту онъ откроетъ мнѣ черепъ и посмотритъ, что я мыслялъ. Я думалъ, что онъ это сейчасъ сдѣлаетъ и что онъ откроетъ сейчасъ же у меня черепъ (мнѣ тогда представилась эта картина), что это вообще такое правило у докторовъ, чтобы знать, дѣйствительно ли я понимаю больше, чѣмъ слѣдуетъ. Кандидатъ правъ сказалъ: „на основаніи закона, что Александръ III-й выздоровѣлъ, убивать человѣка нельзя, „я буду протестовать“; и сказалъ д-ру С. „скинь очки, обидѣлъ государя“. Послѣ этого я ушелъ, на другой день на урокъ не явился, такъ какъ боялся придти, и вообще я уже боялся выйти на улицу, такъ какъ д-ръ С., когда я уходилъ, сказалъ еще, что они придутъ на другой день. Это было 27 янв. 1894 г. Въ это время, когда я былъ такъ испуганъ, на другой день изъ деревни К. пріѣжала моя родственница. Испугавшись д-ра С. я рѣшилъ уѣхать изъ Одессы и дѣйствительно уѣхалъ съ родственницей на повозкѣ, о которой уже откуда то узналъ д-ръ С. Въ январѣ въ городѣ, когда я ходилъ по улицамъ, то слышалъ слова „бѣлая шаль, перешоль черезъ дорогу, бѣгутъ за тобой, преслѣдуютъ“. Въ это время у меня болѣла голова и когда я слышалъ слова „бѣгутъ за тобой“, я оглядывался, но видѣлъ только барышень съ бѣлыми шальями (тогда была мода на бѣлыя шали). Когда я ходилъ по улицамъ, то одинъ человѣкъ переходилъ мнѣ дорогу и я услышалъ „тебя преслѣдуютъ“. Я и думалъ, что этотъ человѣкъ меня преслѣдуетъ, такъ какъ съ нимъ я довольно часто случайно встрѣчался на улицѣ, въ трактирѣ. Я слышалъ также фразу „4 брата, одного отнять и убью“. Эти слова произносилъ д-ръ С. и я какимъ то образомъ слышалъ ихъ на улицѣ и думалъ, что ихъ произносятъ окружающіе меня люди, но въ виду того что эти галлюцинаціи были въ городѣ, то онѣ продолжались (д-ръ С. провожалъ) и по дорогѣ въ деревню, куда я уѣхалъ. Уже будучи въ больницѣ я догадался, что всѣ эти слова произносилъ микрофонюкъ, которому д-ръ С. внушилъ эти слова. Когда я ѣхалъ въ деревню, то по дорогѣ слышалъ слова „остановился, Болгарія“ (тамъ была деревня, гдѣ жили Болгары, и я подумалъ „здѣсь живутъ Болгары“ и

услышалъ голосъ „Болгарія“). Я слышалъ въ деревнѣ голоса „Болгарія требуетъ, также государю нравится, сейчасъ придетъ митрополитъ и тебя заберетъ“. Прибылъ въ деревню 29 янв. 1904 г. Считая съ 29 янв. со включеніемъ 13 февр. никакихъ угрозъ со стороны кого-либо не было. Вдругъ 14 февраля, сидя въ комнатѣ, я услышалъ голосъ „а я тебя зарѣжу“, голосъ этотъ шелъ съ правой стороны, сверху, отъ окна. Я очень испугался, такъ какъ я былъ пораженъ этимъ, ибо я не зналъ, кто это говоритъ. Я выбѣжалъ изъ комнаты, смотрѣлъ въ корчмѣ, взбирался на гору, смотрѣлъ, но никого не было, потомъ показалось, что черезъ дорогу кто то кричитъ, но словъ не помню. Я услышалъ также фразу „Гутинка зарѣзали, а всѣхъ вашихъ изъ дома Купервосера выбросили, отца убили“ и мнѣ воображалось, что дѣйствительно мои родные сидятъ во дворѣ, отецъ убитъ, а шурень брошенъ въ канаву, а брата инженера повѣсили. Голосъ добавлялъ: „И ты не кушай ничего, а то тебя убьютъ“. И я потомъ пересталъ ѣсть. Въ это время были у меня судороги: закрывался лѣвый глазъ, и ротъ кривился въ лѣвую сторону. Числа 15 марта я уѣхалъ изъ деревни К. въ Одессу, такъ какъ должна была состояться свадьба моего родственника. До 23 марта я ничего не ѣлъ. Въ 12 час. дня былъ приглашенъ д-ръ Ш., а въ 4 часа я былъ помѣщенъ въ Одесскую Психіатрическую больницу, и принялъ меня д-ръ Б. Въ этотъ день въ 3 часа послѣ сна, еще будучи дома, я началъ ѣсть, и когда я подошелъ къ зеркалу, то началъ уже немного выговаривать изъ природы одно слово „нравится государю“. Сначала я не понималъ, что это нравится государю, но потомъ я вспомнилъ, что объ этомъ я слышалъ въ деревнѣ, а теперь оно само заговорило. Это былъ уже не голосъ снаружи, а изнутри, изъ природы. При выговариваніи слова изъ природы я почувствовалъ какое то особое ощущеніе въ правой половинѣ мозга въ лобной долѣ, почувствовалъ, какъ будто внутри что то начинаетъ разговаривать изъ природы, почувствовалъ, что я какъ будто схожу съ ума. Я замѣтилъ также, что желая сказать одно какое-нибудь слово, я произносилъ другое, т. е., не своимъ умомъ, а независимо отъ меня. Когда везли меня въ больницу, то на дорогѣ я слышалъ фразу „двери закрыты“ (это кричалъ микрофонъ, такъ какъ я видѣлъ, что дѣйствительно всѣ двери магазиновъ по случаю праздника были закрыты), но я

былъ молчаливъ и ничего на эту фразу не отвѣтилъ. Спустя 10 дней пребыванія въ больницѣ я почувствовалъ, что у меня животъ очень опухъ, поднялся и слышались въ немъ посторонніе звуки. Подойдя къ д-ру Б., и спросилъ объ этомъ и получилъ отвѣтъ „тамъ внутри, вѣроятно, сидятъ черти“. (д-ръ пошутилъ надо мной). Въ сентябрѣ 1894 г. передъ новымъ еврейскимъ годомъ я почувствовалъ, что изъ горла у меня выдавливается новое слово „спичку по кукуреку“, это выговорилось у меня также изъ природы, не моимъ мнѣніемъ, это значить я уже былъ разбитъ. Я не понималъ, что это слово выходило изъ головы, но думалъ, что изъ горла, такъ какъ въ горлѣ чувствовалъ особенное состояніе хрипоты. Съ этого времени у меня постоянно выходили слова изъ природы, но уже разнообразныя. Я кричалъ уже себѣ „мозгъ на мѣсто“. Первый день, когда меня спрашивалъ д-ръ, т. е., на 2 день послѣ моего поступленія, я помню, какъ онъ меня изслѣдовалъ и даже мѣсто, гдѣ я сидѣлъ“.

Исторія болѣзни

Въ скорбномъ листѣ есть слѣдующая замѣтка относительно больного Ш. 23/ш 1894 г. Ш. малаго роста, слабого сложения и питанія. Носовыя кости утолщены вслѣдствіе ушиба. Зрачки равномѣрны, на свѣтъ реагируютъ. Языкъ сильно дрожить; тремор конечностей и слабость нижнихъ конечностей съ характеромъ ригидности. Когда ноги выпрямляетъ, чувствуетъ боль въ колѣняхъ. Рѣчь не измѣнена, тиха, часто переспрашиваетъ вопросы слѣдствіе недостаточнаго воспріятія. Выраженіе лица задумчиво. Психическіе процессы замедлены, движенія медленны и вялы. Сознаніе окружающаго сохранено, сознаніе болѣзненнаго состоянія на лицо. Больнымъ себя считаетъ потому, что часто „мечтаетъ“, т. е., потому что въ головѣ пробѣгаетъ цѣлый рой мыслей, касающихся исключительно непріятнаго прошлаго. Мечты эти сопровождаются тоской и слезами. Однако мыслей о самоубійствѣ никогда не бываетъ. Въ послѣднія нѣсколько недѣль у б-ого исключительно *слуховыя галлюцинаціи*, ему постоянно угрожаютъ смертью. Подъ вліяніемъ этихъ галлюцинацій б-ой временно отказывался отъ пищи и пересталъ разговаривать. Къ галлюцинаціямъ относится безъ надлежащей критики. 7/шп. Жа-

луется, что изъ поджелудочной области поднимается вверхъ въ головѣ голосъ. 29/вп. Все, что думаетъ, слышитъ повтореннымъ его голосомъ.

Появленіе мысли о микрофонѣ.

„Впервые о микрофонѣ далъ мнѣ понятіе находившійся здѣсь въ больницѣ аптекаръ Л., который узнавъ, что я слышу слова, сказалъ, что это все идетъ отъ микрофона и что онъ самъ страдаетъ этимъ. Затѣмъ наблюдавшій меня д-ръ С. объяснилъ мнѣ, что такое микрофонъ, сказавъ, что это есть небольшой ящикъ, изъ котораго идетъ звукъ и что этотъ ящикъ находится въ Университетѣ, и вотъ когда я, пробывъ въ больницѣ 6 лѣтъ, выписался изъ нея въ 1900 г. 4 июня во вторникъ и, ходя по улицамъ, по прежнему слышалъ голоса, хотя и болѣе легкія, то я рѣшилъ отправиться въ Университетъ, чтобы видѣть микрофонъ и переговорить съ профессоромъ анатоміи. Узнавъ, что анатомію читаетъ проф. Ш. я, найдя его, обратился къ нему со словами „г. профессоръ, я очень нервный человѣкъ, что мнѣ дѣлать съ собою, такъ какъ у меня въ уши говоритъ микрофонъ“. Тогда проф. Ш. воскликнулъ „я самъ человѣкъ нервный“ и ушелъ, прося оставить его въ покоѣ, и когда я снова поступилъ въ больницу, то микрофонъ твердилъ мнѣ „оставь меня въ покоѣ, я самъ нервный такой“. Это была та фраза, которую сказалъ проф. Ш., и микрофонъ, получивъ отъ Ш. внушеніе, передавалъ эту фразу мнѣ. Послѣ неудачной бесѣды съ Ш. я отыскалъ проф. физики, чтобы узнать отъ него о происходящихъ во мнѣ явленіяхъ (совѣтъ обратиться къ проф. физики далъ мнѣ одинъ изъ писарей Университета, къ которому я обратился съ просьбой, указать мнѣ какогонибудь профессора, такъ какъ у меня болѣзнь. Писецъ, узнавъ, что у меня кричитъ въ ухѣ, сказалъ „надо порвать проволоки и обратиться къ проф. физики“). Тогда я пришелъ къ проф. физики и сказалъ ему „меня разбиваетъ голосъ“, а онъ мнѣ отвѣтилъ: „по крайней мѣрѣ, я вижу, что вы цѣлы“, тогда я простился съ нимъ, а онъ вѣжливо сдѣлалъ мнѣ ручкой и сказалъ „медаль вамъ“. Когда я спускался по лѣстницѣ, то къ проф. физики подошелъ какой-то господинъ, который чинилъ карандашъ и сказалъ „пускай онъ мнѣ дастъ 50 р. за

одинъ мѣсяцъ, и я его вылъчу, какъ внушить“. Эта очинка карандаша перешла на слово „стру... стру“ и вотъ будучи снова въ больницѣ, я вспомнилъ о моемъ посѣщеніи Университета и тотчасъ же услышалъ „стру... стру... оставьте меня въ покою... медаль вамъ“. (Слово въ покою измѣнено микрофономъ, чтобы меня раздражить). Эти голоса преслѣдовали меня 1^{1/2} года, теперь я ихъ не слышу. Будучи въ Университетѣ, я также спросилъ у швейцара, есть ли въ Университетѣ микрофонъ и получилъ утвердительный отвѣтъ, что такая машина имѣется и помѣщается въ юридической аудиторіи. Заглянувъ туда, я дѣйствительно увидѣлъ эту машину съ большой трубой, но не понималъ, что звукъ идетъ изъ трубы микрофона, такъ какъ звукъ вообще шелъ ко мнѣ кругомъ. Будучи въ больницѣ, и слыша голосъ микрофона сзади, я спросилъ у микрофона, почему онъ не идетъ спереди изъ оконъ, тогда на другой день голосъ слышался спереди. *Микрофонъ меня послушался*“.

Цѣлыя фразы и слова, которыя слышитъ больной.

„Не все ли равно (больной поясняетъ: „у меня нѣтъ этого слова, это микрофонъ отъ себя шлетъ“). Что же синь (мнѣ воображается синій цвѣтъ). Повѣришь ли умѣнье (это было въ книгѣ Паульсона). Также умѣнье (повтореніе предыдущаго). Объ этомъ стало извѣстно въ городѣ (отъ микрофона). Объ этомъ говорили въ городѣ (повтореніе). Ошибся (отъ микрофона). Зараза (отъ микрофона). Много. Не все ли одно (повтореніе первой фразы). Кому. Это оригинально. Ничего нѣтъ возможнаго въ мірѣ. Не отсюда куда. Грамота не важна. Такъ же вѣрь, что на каждый день есть силъ благовень (нужно бы сказать, что на каждый день есть дѣло). Угрюмъ, мурлатый (Я прежде называлъ б аго А. угрюмымъ, тогда же 10 лѣтъ т. н. микрофонъ мнѣ отвѣтилъ „угрюмъ, мурлатый“ т. обр. это повтореніе фразы, услышанной мною отъ микрофона 10 л. т. н.). Грѣшно, зачѣмъ взялъ бумаги, жаль (намекъ на то, что я взялъ эту бумагу, на которой пишу). Не подумаютъ (это отвѣтъ на предыдущую фразу о бумагѣ). Ничего. Итакъ ты галлюцинируешь (раньше микрофонъ говорилъ „итакъ ты галлюціонеръ“ а теперь говоритъ (безграмотно).

Эфт, эфъ, перья какія (лѣтъ 15 т. н. на коробкѣ перьевъ я видѣлъ французскія буквы f, f). Ты не важный. Невѣ (это была газета Нева). Для оригинальности скажу. Что же ты сало не употребленно (вмѣсто не употребляешь). Ты не умѣлый (это раньше говорилъ микрофонъ). Ты не умѣлый такой (тоже говорилъ прежде). Забить (тоже). Ты не знаешь жизни своей. Это тебѣ показалось такъ (мнѣ показалось синее передъ деревьями). Ты полный галлюцинеръ (раньше говорилъ). Потому, что не (не достаточно у меня разговора). Ты не у (не умный). Что же по порядку (это относится къ книгѣ, которую я переписывалъ по алфавиту). Богу не вѣришь. Также вѣрь (это слово осталось, когда я поступилъ въ больницу). Забылъ. Кости другъ. Не понялъ ни чего, что говорятъ (я писалъ и въ это время сосѣди разговаривали, но я не понималъ ничего). Что же отдыха нѣтъ, а громъ (не гранеть, мужиго не перекрестится). Что же слоны, когда въ диковинку у насъ (эти изъ басни Крылова). Я тебѣ задамъ за сифились сказать больному (я ссорился съ больнымъ и сказалъ ему сифились). Ты не мой. А видѣлъ ли? Надзоръ, позоръ, всякій позоръ. Что же налѣво, когда нѣтъ ни чего. А направо вру. Что же помощи, когда Бога не. Что же сожалѣть, когда городъ не видишь. Твои, что ври. Что же вѣдь когда смѣшно. Боясь, боясь. Заслуживаетъ тотъ фактъ (внушеніе одного б-аго). По глазамъ больной (это мои мысли). Разстройство нервовъ, когда леченіе никакое. Дыхать не. А ву (вру, говорилъ раньше). Что же ты видишь, когда не издавать. Кругомъ боль безстрастно. Вы не страшный. Не стоитъ овчинка выдѣлки эта больница (пословица). А гдѣ же я нахожусь. Что же тебѣ такъ тяжело когда свобода не. Дама красится каждый день (половина пословицы, окончаніе которой, а домъ одинъ разъ въ годъ). Ты не похожъ А помня. А имѣя. А вѣдь. Сидя не (когда я сидя писалъ). Что же умъ, когда чистъ, Въ роту солдатъ воображалъ, когда не (я вспомнилъ это). Что же пой, когда по древнимъ языкамъ намъ стыдно слышать тебя. Итакъ цѣлъ бы ты. Нѣту. Что же священниго, когда мы. Что же Богъ, когда Богъ святъ не. Что же тебѣ такъ тягостно. Что же вблизи, когда ты не видишь ни чего. Ой, уй (болѣла спина у меня). Что же есть общаго со мною (когда я закрываю глаза). Такъ, такъ, тигъ тикъ. Что же волнуемъ кровь, когда сердить (тутъ появилась боль въ спинѣ).

Что же показалось тебѣ чудное (я видѣлъ синее). Что же боль въ вѣтка, нехай. Ты не подражательный таковой.

Что же ты альбомъ, когда ты наволочка. Расскажу (давно говоритъ). Что же ты видишь, когда не. Похвалы отъ Бога упаль. Ты здоровъ, когда не. Что же ты шарлатановъ офицеровъ былъ. Что же ты память, когда нечѣмъ осуществить. Осторожно выпачкаю, когда не. Что же ты, зачѣмъ ругаютъ люди, когда воръ. Что же ты отъ бездѣлья боленъ. Что же ты видишь, когда горбомъ не. Время терпять. Что же ты не все ли вру. Разбоемъ, когда вру. Не ври ни чего когда воръ. Ди магъ—прислуга (переводъ изъ эртеля). Что же вру, когда вѣтеръ несетъ. Что же ты пой. Сожалѣеть городъ. Что ты жалоба, сожалѣніе не. А повѣрять ли не. А мылъ былъ и не чистъ (я умылся и не чистъ, это онъ совралъ, и былъ чистъ). Что же ого, когда въ книгѣ сказать (ого вретъ изъ книги эртеля). Что же имѣя, когда не имѣвши. Итакъ ты галлюціонеръ премножество. Что же ты, когда умъ похожъ и мыслить ни чего Пропало дѣло Полтава не (выраженіе было дѣло подъ Полтавой). Сегодня красный, а завтра смерть (это микрофонъ обратилъ вниманіе мое, когда я хотѣлъ писать краснымъ карандашомъ. Это выраженіе взято изъ нѣмецкой азбуки heute roth, morgen todt — сегодня я красенъ, завтра смерть). Что же вѣдь когда зима пройдетъ. Что же ты желуду, когда не видѣлъ. Что же сгибъ, когда спереди не (сгибъ сзади). Гляись (вмѣсто глядь). Не надо (когда лежу не на кровати). Что же дрожъ, когда вчера съ дамой говорилъ (я разговаривалъ наканунѣ съ дамой и чувствовалъ дрожъ). Что же ты тяжко. Что же ты незамѣтнымъ, когда замѣтно говорить надо. Что же ты за карандашъ, влизятя потомъ. А помогаетъ ли вамъ лекарство. Что это за азъ (изъ азбуки). Не оправдываетъ, обвинить. Что же больной когда вру иногда не. Богъ не, а природа намъ дала. Богъ видитъ но не сиротъ. А благодарилъ былъ. Что же весь уничтоженъ. Что же ты уничтоженъ, когда не мыслишь. На черный день спрячь хлѣбъ (говорили о пословицахъ). Это наши предки были, это не важно. Не стыдись, что за дѣло, когда дѣло разумъ. Что же тебѣ худо, когда ты вру. Что же тебѣ нравамъ.

Осель не выдавши посмотри, кто, когда, кому, кого (просклоняль микрофонъ). Я самъ сумасшедшій (объясненіе б-аго Б. въ 1900 г). Однимъ словомъ дураки. Негодный годъ. Что за крики внутри. Конецъ дѣла хвалимъ (пословица). Что же вблизи (когда нѣтъ ни чего). Что за баловство, когда мы. Что же въ буйномъ отдѣленіи, когда воровъ. Ты на умѣ не похожій. Непонятливый ты, когда говорятъ. Что за церковь, когда звонятъ. Что за сумасброды, когда не видишь что за не исполниль ни чего, когда я вижу. Будь воздержанъ на умѣ, тебѣ лучше станеть. Что же постель, когда угрюмъ. Что за дума была, когда забыль (я думаю и забываль это мое). Это не когда да. Это важно (меня не раздражаетъ). Это не важно (раздражаетъ). Кому это (когда нѣтъ ничего). Это мое дѣтство было. Ай не все ли ровно. Итакъ ты нарочно отпустиль микрофоника (проф. Поповъ сказалъ Образцову). Словно, вольно. Что это за видишь. Пророчество Ишаи сынъ Унеца (изъ Библии). Что же во имя отца и сына, когда врестъ. Что же боѣ не болитъ, когда писалъ (не болѣли боба). Что же замѣтнымъ, когда вѣрь. Что же кривая нога, когда всталъ. Не все ли одно (выравнилась нога). Что же важно, когда не на чемъ смотрѣть. Что же тебѣ чу (чу внушеніе книги). А прочествоваль ли Ишаю (изъ Библии).

Но съ какой стати не вѣрь. Но съ какой стати сталъ какъ во время Богрова. Но съ какой стати намъ стыдно, когда молясь. Но съ какой стати намъ штрафъ, когда вѣрь. Но съ какой стати на. Но съ какой стати не помнишь. Но съ какой стати память не вредна. Но съ какой стати нечѣмъ осуществить. Но съ какой стати боль. Жалуются одинъ, почему не другіе. Жалуются многіе (внушеніе Корольки). Что же вблизи, когда не. Неи, неу, нео два раза повтори. Изъ точки зрѣнія мы видимъ, Зачѣмъ кривъ, почти вру. Развѣ Новиковъ (б-ой). Итакъ ты какъ Перимъ сталъ (перимъ—мертвый Богъ). Обмани. Откуда, куда. Должность не вру. Что же молчаніе, когда не существуетъ. Что же молчаніе, золото, а не молчаніе серебро (пословица). Интересно знать. Что же боль наука показываетъ и кости подъ бобами (это мои боли). Не видишь вовсе. Нау. Что же шарлатаны. Къ чему она равна, когда сгибомъ былъ (я отвѣтилъ на счетъ спины,

моя фраза). Не подумаютъ, что нарочно потому, что видѣлось все (что я не обманываю людей). Суще во гробѣ (молитва I. X.). А. вру. Я тебѣ задамъ, что своихъ не узнаешь. Свобода не вру. Парализованъ вѣрить. Прочь не морочь. Боль бога ищеть. Не знаю слѣд.

Что же это за слово со, когда ты его не видишь (со это нота) Что же б когда ней (не знаю, что это обозначаетъ). Что же ву, когда но (я вру, когда Новиковъ, вмѣсто этой фамиліи я сказалъ но). Что же плечо, когда спина (я говорю на спину называя ее плечомъ). Что же неумѣлый, когда я вру. Что же манера, когда нравится (вотъ студенты говорили, что у меня манера). Что же мечтъ (род. множ. число отъ мечты). Что же опять ты ви, когда ни чего не имѣешь (это ви значить видишь). Что же ты ухо, когда Пуримъ (ухо—пирогъ, пуримъ—праздникъ). Ву, ву. Балда на умѣ. Не прислушивайся итакъ услышишь (я сейчасъ прислушивался). А воевали въ Японіи и кто выигралъ. И ты не радъ сталъ поймать когонибудь. Что же ты повторилъ, когда я сказалъ (микрофонъ говоритъ, чтобы я не прислушивался). Что же ты кривъ (микрофонъ говоритъ мнѣ на носъ, я это знаю). Что же ты кривъ, когда прямо (микрофонъ вретъ, вовсе не прямо). Иръ истъ филь меръ (по нѣмецки внушеніе б-аго Л., который говорилъ эту фразу 12 лѣтъ т. н.). Давъ. Что же гулялся ты. Что же ты слышь (я прислушиваюсь). Онъ не ву. Что ты плечешь и боль и слабъ (изображаетъ мое чувство). Не стыдись, что за дѣло. Это Строгановъ указалъ. И съ восклицаніями къ тебѣ. У тебя силъ не ва (жно). Занятіе не дур (но). Образи это. Не моглый. Что же нау. (на умѣ), когда ты сѣлъ. Наука показываетъ намъ. Не ви. не ва (не видишь). Что же кричить (б-ой кричить). Что же кричить, когда умъ. Всю, всю, всю (все выговорилъ).

Что же шуринъ. когда вру. Что же отвѣта, когда не исполняется. Не ясно говорю, вру (я жаловался, когда микр. дигуеть). Что же жаль. Не ви, не ви. Что же натура, когда разбой. Молчаніе, не вижу (нужно сказать не слышу). Что же ты ругаешь, когда ты не умѣешь. Слу... слу... (это слу-житель). Что не ви до сихъ поръ не сказали. Когда дигуемъ.

Что же ты сознавался въ твоихъ грѣхъ. Твое, твоё (вмѣсто твой). Что же ты занялъ. Это самое твердить. Ву, ву, ву. Что же калейдоскопъ, когда ты былъ вовсе микрофонъ. Нау. Что же ты думъ, когда не глупъ (думъ по нѣм. глупъ). Что же ты вѣришь, когда Богъ. Когда Бога не видишь. А слышу говорятъ. Что за духовенство мы. Что же плечъ. Итакъ ты обвиненъ совсѣмъ. Что же за боль, когда ви. Что же теперь въ животѣ, когда я вру. Что же ты кривился, когда лучше (я эту ночь кривился, онъ мнѣ это напомнилъ). Что же ты кривѣ, когда носъ (повторяетъ). Нау, нау. Что же ты хрип(лнй), когда ты видишь. Всю, всю вымолвилъ. Что же ты палець, когда на лѣво. Что же въ плечѣ, когда нравится (болитъ у меня плечо). Что же ты журишься, когда сидишь (я положилъ руку такъ и онъ опредѣлилъ это словомъ журишься). Прибавь не вру, повтори Это не то, что прежде я руку поднйалъ выше). Это развѣ умѣлое. Докторъ не исполнить все. Что же журишься, когда вѣра. Что же ты соусъ, когда ты его не любишь. Итакъ ты смѣшишь (разсмѣялся передъ этимъ словомъ). Итакъ ты кру (я не понялъ и онъ объяснилъ кружка). Когда круга, круглая. Что ты какъ баба. Ну и (я не зналъ этого слова). Лу и (а перемѣнилъ, это имя банкира). Итакъ ты мані (ей) и съ преслѣдованіемъ“.

О принадлежности больному всѣхъ слышимыхъ словъ.

„Я всѣ фразы, слышимыя мною черезъ уши, считаю своими собственными, это все мое, я ихъ узнаю. Едва ли не съ 3-хъ лѣтняго возраста моей жизни, всѣ событія ея, я въ теченіе 15 лѣтъ пребыванія въ Психіатрической больницѣ рассказалъ или передалъ микрофону, такъ что у меня уже ничего нѣтъ. Ему все извѣстно, ни одной мысли для него не осталось тайной, и онъ мнѣ возвращаетъ ихъ обратно, бьетъ въ голову. Даже я рассказаль ему что я кралъ пряники у бабушки и получилъ отвѣтъ изъ микрофона „воръ“. Значитъ я теперь запарализованъ въ микрофонѣ машинами. Такъ какъ у меня мозгъ открытъ, то вся моя жизнь вылилась въ микрофонъ, но въ виду того, что онъ спѣшитъ говорить, я не могу отдохнуть и узнать нѣкоторыя фразы, иногда даже слышу

отдѣльные звуки или подслова. Впрочемъ, нѣкоторыя фразы принадлежать самому микрофону, напр: „зарѣзать, убить, митрополить, ищуть тебя студенты, просятъ, повѣсятъ, моголу твоего брата, на горѣ его повѣсили“. Это не мои фразы, все же остальное принадлежит мнѣ, я узнаю, что мысли, которыя высказываетъ микрофонъ, принадлежатъ мнѣ. Вотъ напр. я сейчасъ слышу „правильный тонъ скрипки“; это есть моя мысль, я говорилъ недавно съ вами о скрипкѣ. Я вамъ сказалъ фразу „много разговоровъ у меня нѣтъ“, а голосъ мнѣ говорить сейчасъ „а много такихъ нѣтъ“, это микрофонъ перевелъ мою мысль. Т. обр. это мои мысли, но онѣ измѣнены немного микрофономъ. Раньше я лучше узнавалъ мои мысли, но послѣ того, какъ онъ разбилъ мнѣ голову своими звуками, а также когда иногда твердитъ бессмысленные звуки, то тогда я ничего не понимаю, кому это принадлежитъ, мнѣ или кому другому. Вотъ онъ сейчасъ крикнулъ „ле фа и ле ма“, я не знаю, что это значитъ, можетъ быть это значитъ отецъ и мать, а можетъ быть и нота фа. Мое выраженіе „отъ микрофона“ обозначаетъ, что хотя мысль принадлежитъ мнѣ, но ее по своему выразилъ микрофонъ, напр. я услышалъ „ошибся“, это было по случаю того, что я не узналъ знакомой дамы, а микрофонъ тогда замѣтилъ: „итакъ мы ошиблись“.

Напр. слово „зараза“ идетъ отъ микрофона, но это слово сказалъ моему отцу Г. и я это слово слышалъ, и оно принадлежитъ мнѣ. Сегодня я прохаживался по коридору и нагнулся и въ это время услышалъ: „такъ любилъ въ буйномъ отдѣленіи Б.“; передъ этой фразой, когда я нагнулся, то я не зналъ, почему я это сдѣлалъ, а микрофонъ мнѣ это объяснилъ. Я бы не зналъ даже, если бы микрофонъ мнѣ этого не напомнилъ, но я это видѣлъ въ буйномъ отдѣленіи, а потому эти слова принадлежатъ мнѣ.

Всѣ фразы я слышу ясно сказанными снаружи, а не внутри, какъ будто говорить человѣкъ прямо въ ухо. Если я сижу одинъ, то я тихо повторяю шопогомъ слова, которыя слышу. Я не могу ихъ не повторять, такъ какъ они у меня въ мозгу, я ихъ долженъ повторить. Вашихъ словъ, д-ръ, я не повторяю, такъ какъ вы разговариваете со мной не воздухомъ, а микрофонъ говоритъ воздухомъ, который заходитъ мнѣ въ ухо, и такъ какъ мой мозгъ открытъ, то слова эти попадаютъ мнѣ въ самый мозгъ, иногда я даже чувствую,

какъ будто воздухъ дуетъ мнѣ въ ухо и проникаетъ въ мозгъ. Если я не повторяю слышимое мною отъ микрофона слово, то мнѣ тяжело дышать, меня давитъ и я долженъ сказать. Здѣсь микрофонъ меня стѣсняетъ и я долженъ выговорить или осуществить то слово, которое я слышу. Но иногда стѣсняюсь выдать микрофону какое-нибудь событіе, напр. ссору съ братьями, некрасивый поступокъ брата или свой собственный, я о нихъ стараюсь умолчать, удерживаю ихъ внутри, и это обстоятельство мнѣ тягостно. Если бы я могъ выдать микрофону всѣ эти тайныя мысли, то мнѣ было бы легче. Въ 1894 г., когда я былъ въ деревнѣ, то когда люди ко мнѣ подходили, то я при ихъ приближеніи слышалъ голоса „тебя повѣсятъ, тебя зарѣжутъ топоромъ, изъ волостного правленія, тебя перекрестятъ, скоро будетъ епископъ“. Тогда я думалъ, что эти голоса идутъ отъ этихъ самыхъ людей, которые ко мнѣ подходятъ, и я думалъ, что эти голоса разсѣяны въ толпѣ, теперь я увѣренъ, что микрофонъ тогда былъ въ народѣ. Раньше я думалъ, что слышимое мною слово выходитъ изо рта моего собесѣдника или сосѣда; напр., вошли двѣ дамы, и я услышалъ голосъ, который шелъ отъ нихъ „тебя повѣсятъ“. Это меня очень испугало. Когда же около меня не было людей и я слышалъ голоса, то выбѣгалъ на улицу, думая, что люди находятся тамъ, мужики, напр., спрятались, но никого не было. Раньше голосъ казался исходящимъ снаружи, а теперь мнѣ кажется, что голосъ говоритъ прямо въ ухо“.

О внѣшнемъ или наружномъ характерѣ голосовъ.

„Разговоры и отдѣльныя слова, которыя я слышу отъ микрофона, доносятся ко мнѣ снаружи, какъ бы издалека, но не изнутри я ихъ слышу. Я знаю однако, что *всѣ голоса микрофона это есть мои мысли и разговоры*, которые я раньше велъ, будучи на свободѣ или же во время пребыванія въ больницѣ. Микрофонъ только переводитъ мои мысли, о которыхъ я раньше думалъ, а онѣ въ это время независимо отъ меня впитались въ машину микрофона, который мнѣ теперь все это возвращаетъ обратно или передаетъ. Микрофонъ говоритъ такимъ же голосомъ, какъ человѣкъ, но

только болѣе грубымъ въ видѣ бу-бу-бу, какъ будто басомъ. Это настоящій, форменный басъ. Вотъ сейчасъ я слышу отсюда изъ города (указываетъ больной знакомъ въ пространство) „лучше бы ты сказалъ, что ты здоровъ и обмана никакого, все равно леченіе какое, ты бы тогда выздоровѣлъ“. Это мои мысли, о которыхъ я раньше думалъ и выдалъ ихъ микрофонъ.

Вопросъ: это вы издали слышите?

Отвѣтъ: да издали слышу.

Вопросъ: можетъ быть, это внутренней вашъ голосъ?

Отвѣтъ: нѣтъ, это я слышу снаружи.

Вотъ я слышу „зачѣмъ ты сказалъ, что душевно-больной, тамъ леченіе какое, а отъ правды не уходитъ“. Голосъ, какъ я знаю по опыту, будетъ продолжаться 3 дня; иногда я слышу голосъ тонкій, красивый, какъ птичка поетъ

Голоса, которыя я слышу, бываютъ различной силы, если я ночью лежу въ постели, когда кругомъ меня тихо, то голоса дѣлаются нѣжныѣ, тише, если же днемъ около меня разговариваютъ мои сосѣди больные, то ихъ голосъ усиливаетъ мои голоса до такой степени, что въ буйномъ отдѣленіи, напр., мнѣ невозможно было оставаться, было ужасное, сильное ощущеніе, голоса были такіе громкіе, что производили даже гуденіе въ моей головѣ. Если кто поетъ около меня, то его голосъ отражается на мнѣ звуками не тѣхъ словъ, которыя поетъ другой, а моими собственными голосами, которые принимаютъ тогда такъ поющейя пѣсни, и получается какъ будто граммофонъ или скрипка. Иногда я слышу музыкальные звуки въ видѣ скрипичныхъ аккордовъ струнь, я даже обрадовался, думая, что эта музыка будетъ продолжаться долго, но она продолжалась 5 минутъ, я вспомнилъ, что эти аккорды на скрипкѣ я слышалъ здѣсь, когда одинъ больной производилъ ихъ на инструментѣ. Мнѣ было бы пріятно слышать такую музыку. Иногда слова, слышимыя отъ микрофона, являются въ видѣ звуковъ, но они меня раздражаютъ своимъ однообразіемъ. Раздраженіе у меня является тогда, потому что я не знаю, что мнѣ тогда сказать микрофону. Мой микрофонъ поступаетъ какъ обыкновенный граммофонъ: пластинка, переговоривъ все, возвращается къ началу, такъ и микрофонъ, начавъ утромъ: „вы не стѣснялись

ничего, вы не ушли, вы не видѣли ничего, вы не слышали ничего, вы не вру, вы не спали“, затѣмъ переговоривъ все, снова возвращается къ началу „вы не стѣснялись ничего“ и т. д. Цѣлый разрядъ словъ съ возвращеніемъ къ прежнему. По временамъ я слышу *тніе*, напр. въ видѣ марша. Этотъ маршъ былъ мое, но микрофонъ его нынче пѣлъ и когда онъ пропѣлъ его на древнемъ языкѣ, то изъ микрофона послышалось „итаеъ намъ стыдно“. Въ виду того, что этотъ маршъ по своему мотиву, подходитъ подъ русскую пѣсню, микрофонъ и сказалъ „итаеъ, намъ стыдно“. Этотъ маршъ я слышала, когда былъ въ синагогѣ, но здѣсь служителя также поютъ. Иногда я слышу голосъ въ видѣ отдѣльныхъ шумовъ. Такъ когда я былъ въ 1 павильонѣ то больной Ф. называлъ себя барономъ. И когда я однажды назвалъ его барономъ, то онъ отвѣтилъ по нѣмецки: зейдъ иръ зельбе, что значитъ по русски вы сами и затѣмъ нюхая табакъ онъ производилъ звуки э..х..х.. И вотъ теперь, когда я говорю микрофону зейдъ иръ зельбе, то микрофонъ отвѣчаетъ рядомъ однообразныхъ шумовъ, какъ въ обыкновенномъ граммофонѣ чи-чи-чи.. Эти звуки меня утомляютъ, обозначая э..х..х.. и я не могу долго произносить зейдъ иръ зельбе. Если бы я могъ повторять дольше, то микрофонъ бы меня оставилъ. Фразу же эту нѣмецкую я говорю микрофону потому, что вѣдь онъ самъ произносить всѣ звуки“.

О внутреннемъ характерѣ нѣкоторыхъ голосовъ.

„Кромѣ словъ, выходящихъ изъ микрофона, которыя я слышу ухомъ, у меня замѣчается слѣдующее явленіе, которое я называю „выхожденіемъ словъ изъ природы“, а именно: еще 11 апр. 1902 г. будучи въ слабомъ отдѣленіи, когда я самъ произносилъ какія-нибудь слова, то я чувствовалъ какъ изъ природы, изъ моего мозга, подобно дыму выходило другое слово, которое повторялъ микрофонъ такъ же, какъ онъ вообще говоритъ мнѣ, получалось второе слово, теперь же, когда я производилъ сегодня тотъ же опытъ, то я по прежнему слышу изъ природы подобно дыму выходящее слово, но микрофонъ его уже не повторяетъ. Напр., вотъ сегодня я говорилъ и получилъ слѣдующіе отвѣты: 1) сѣлъ . . . получилъ отвѣтъ

изъ природы пѣль, 2) считать читать тебя, 3) ушелъ обвиненіе падаетъ на тебя, 4) слишкомъ горизонтальная линія, 5) штрафъ свистъ, 6) я расскажу я расскажу никакое, 7) обратно не возвращаюсь скоропостижно, 8) гулять прыгать, 9) смѣшить горе отъ ума, 10) спи дитя усни уйди отъ меня сатана, 11) 11 й не зѣвай (послов.) Богъ душу отдай.

Эти отвѣты я записалъ, но предварительно передъ писаніемъ я ихъ произносилъ тихо.

Эти слова я чувствую прямо въ мозгу подъ черепомъ, они выходятъ какъ дымъ въ макушку, я слышу ихъ не въ ухъ, какъ слова микрофона, а эти слова начинаютъ подобно дыму развиваться въ мозгу и идутъ мнѣ въ ротъ и подъ макушкой я чувствую какъ бы дуновеніе вѣтра. Это *созстмз другое впечатлѣніе, нежели отъ словъ микрофона*, которыя я слышу въ ухо, и тогда я могу отличить слова микрофона отъ словъ, выходящихъ у меня изъ природы. Возвращаясь къ 11 апр. 1902 г., я долженъ сказать, что я самъ внушилъ микрофону мысль повторить тѣ слова, которыя выливаются у меня изъ природы, я сказалъ „повтори природу“ и сейчасъ мое требованіе исполнилось, каждое слово, которое выходило у меня изъ природы, микрофонъ точно повторялъ. Повтореніе это микрофономъ продолжалось всего 2—3 сутокъ и потомъ прекратилось. Слова, выходящія изъ природы, какъ сказано выше, подобно дыму появляются или выливаются изъ моего собственного мозга (исключить микрофоника!), это мои собственные слова, они также имѣютъ *оттѣнокъ звука, я также слышу и чувствую*, что они, происходя какъ бы изъ позвоночнаго столба, заходятъ ко мнѣ въ мозгъ, и я этотъ звукъ выражаю, это я называю „больное слово“, которое мнѣ не принадлежитъ, такъ какъ оно появляется самостоятельно, но оно только происходитъ въ моемъ мозгу, хотя носить такое впечатлѣніе, что какъ будто мнѣ сказалъ другой человѣкъ. Это слово буда же я буду дѣвать, я его долженъ вымолвить, и я его своими губами тихо произношу, такъ какъ если я его не произнесу, то оно будетъ у меня все время вертѣться въ головѣ и не давать мнѣ покоя; оно вертится у меня вотъ здѣсь во лбу. Изъ природы выходятъ слова не только при моемъ собственномъ произнесеніи словъ, но и тогда, когда я слышу слова

микрофона, въ послѣднемъ случаѣ выходеніе словъ изъ натуры совершается тремя способами.

1 способъ. Слышу голосъ микрофона въ правое ухо, подобно крику, это слово выливается черезъ макушку, переходить въ правое ухо, и я его выражаю.

2 способъ. Слышу крикъ (голосъ) микрофона въ правое ухо, который проходитъ не черезъ макушку, а прямо выходитъ изо рта, какъ бы дуновеніе вѣтра.

3 способъ. Микрофонъ крикнетъ въ правое ухо, слово появляется въ мозгу и расходится: ходитъ кругомъ въ мозгу, какъ дымъ, но не выходитъ ни черезъ ухо, ни черезъ ротъ, а расходится внутри, какъ дымъ, и не выражается ничѣмъ.

Всѣ „больныя“ мысли безусловно слышу входящими и выходящими черезъ правое ухо, я въ этомъ убѣждался въ продолженіе 2 дней, но сегодня въ 1 ч. ночи, вставъ со сна, я связала ему „кривни въ лѣвое ухо“, и онъ крикнулъ слово „лишній“.

Вы хотите, докторъ, чтобы я передъ вами продѣлалъ эту операцію выходенія словъ изъ натуры, то я вамъ повторяю, что когда я громкимъ голосомъ произношу какое-нибудь слово, тогда я сію же секунду слышу, какъ у меня подобно дыму выходить другое слово и это слово мнѣ слышится *въ умъ* и я его повторяю, хотя это происходитъ и безъ гипноза, и безъ микрофонука, такъ какъ онъ въ это время не вмѣшивается. Вотъ я теперь передъ вами говорю „читать“, слышу въ головѣ „считать“:

считать . . . пишу урокъ, считать . . . обвинялся
считать . . . обрати иначе, считать . . . обвинять
считать . . . Великобританія, считать . . . обвинялся ты
считать . . . Великобританія считать . . . доброе желаніе, благословеніе (по др. евр.)
считать . . . —, считать . . . Вели (кобританія)
считать . . . благословеніе, считать . . . благословеніе
ѣду въ паркъ . . . обвинялся ты, въ паркѣ не былъ . —
тетрадь . . . обвинялся, кольцо несущ . . . —
гуляю по коридору . . . , — смѣшить . . . обвинялся
смѣшить . . . обвинялся ты, свобода . . . обвинялся.

Такимъ образомъ, оборотъ разговора получается совершенно другой.

Вы желаете, д-ръ, знать, какія слова появляются у меня въ головѣ, когда вы сами станете ихъ произносить, то я охотно вамъ отвѣчаю, что на произнесенные вами слова, у меня получились слѣдующіе отвѣты

тетрадь отвѣтъ обвиненіе; свобода играютъ роль икона Святославъ; бумага чернильница на копѣйку Богъ Троицу любить; дорога ты моя корабль : несетъ на всѣхъ парусахъ; Шехтеръ Бехтеръ Марія Магдалина; золото ты мое читать писать; карандашъ корабль чернильница обвиненіе падаетъ; на меня ручка вучка кольцо обну; стѣна дѣло обвиняется въ томъ пальто обвиненіе; бумага на копѣйку дорога идетъ; пузырекъ обвиненіе гулять прыгать; стекло обвиненіе обвиненіе падаетъ на это; книга винишь.

При этомъ я замѣчаю, что когда я самъ произношу слова, то отвѣтомъ на всѣ ихъ появилась въ видѣ дыма „больная мысль“, тогда какъ при нѣкоторыхъ вашихъ словахъ у меня появилась такая же ассоціація, какъ у здороваго. Это было не изъ мозга, а я самъ добавилъ, напр., вы сказали Марія, то вышло Магдалина, я самъ добавилъ; вы сказали дорога, а я продолжаю изъ „Родного Слова“ „прямая дорога, отсюда взялась ты у Бога“. Вы сказали „золото“, а я помню изъ пѣсни „золото ты мое“ или корабль несетъ на всѣхъ парусахъ, Богъ Троицу любить, это я все помню и добавляю, такъ какъ я же здоровъ, тогда какъ при другихъ вашихъ словахъ отвѣтъ вылился въ видѣ больной мысли, которая вышла изъ моего ума, не моимъ дѣйствіемъ, я этого не хотѣлъ.

Эти слова у меня выливаются изъ мозга, когда въ мое ухо входитъ слово отъ микрофона. Я это слово, которое выпало, выражаю или тихо, или громко, или пишу его. Иногда получается ритмъ: читай—считай, книгу—фигу, гулялъ—садъ, штрафъ—спасайте моего дѣда.

Объ укороченіи слышимыхъ словъ (скидываніе слоговъ).

„Иной разъ микрофонъ по моей просьбѣ измѣняетъ слово, которое я слышу отъ него. Напр., дѣлый годъ я слышалъ

слово „неумѣлый“, это мнѣ очень надоѣло, и я однажды сказалъ микрофону „скинь мѣлый“ и микрофонъ послушалъ меня, и теперь я слышу только „не у“. Равнымъ образомъ со словомъ „серебро“, раньше микрофонъ, произнося это слово, разумѣлъ подъ нимъ бѣлую бумагу, которую я однажды увидѣлъ и слышалъ отъ него слово „серебро“, когда я ему сказалъ „скинь ребро“, то осталось только „се“

штрафъ скинулъ ф, осталось штра
засни скинулъ за, осталось снн
копѣйка — пѣйка, — ко
а лучше — — а лу.

Когда слова скинуты, то мнѣ легче ихъ слышать, если же не скинуты, то очень надоѣдливы. Напр., слова „дурь и расскажу“, хотя я и старался ихъ скинуть, но они не скидываются.

Объясненіе больнымъ происхожденія голосовъ.

„Есть голоса, которые я могу прекрасно объяснить себѣ, откуда они произошли. Напр., въ теченіе 4-хъ лѣтъ я слышалъ голоса „дурь“ и „расскажу“. Объясненіе происхожденія этихъ словъ слѣдующее: былъ въ больницѣ здѣсь больной Д., который пошутить, сказавъ другому больному „тебѣ дають котлету, потому что ты дурь“. Вотъ это услышанное мною слово „дурь“ и перешло на меня, а слово „расскажу“ получилось такъ: когда я шелъ въ Университетъ къ ректору Ш, чтобы посоветоваться съ нимъ о моей болѣзни, я сказалъ про себя „я расскажу“, вотъ это слово и отразилось на мнѣ. Слово „брошюръ“ было услышано мною недавно, когда надзиратель разговаривалъ по телефону и произнесъ его. Съ этимъ словомъ дѣло происходило такъ: лежа около 7 час. послѣ ужина навзничъ, слышалъ слово отъ микрофона „брошюръ“, а потомъ слово бро (шюра само скинулось, такъ какъ я не сбрасывалъ его, теперь я боюсь скидывать, такъ какъ мнѣ становилось хуже). Слово „брошюръ“ было сказано разъ 30; на другой день проснувшись, слышалъ снова „брошюръ“, а потомъ „бро, бро, бро“.. Это продолжалось отъ 3 до 5 час., пока не уснулъ.

„Иногда въ теченіе нѣсколькихъ часовъ я слышу „аи, ау, ае, аа“. Это объясняется слѣдующимъ образомъ: будучи

на колоніи, я часто видѣлъ передъ собой надзирателя по фамиліи „Каша“, такъ какъ мнѣ было скучно, то я эту фамилію сталъ пѣть, при этомъ склоняя ее по падежамъ, но съ пропускомъ согласныхъ буквъ, а только оставивъ гласныя, вотъ и получилось: (к)а(ш)а; (к)а(ш)и; (к)а(ш)ѣ; (к)а(ш)у. Я увѣренъ, что когда я пѣлъ эти гласныя буквы, то онѣ попали въ микрофонъ, и теперь онѣ возвращаются мнѣ обратно. Я знаю также, что микрофонъ возвращаетъ мнѣ все, что я училъ въ библіи, въ талмудѣ“.

Непонятные голоса.

„Иногда я слышу слова, смыслъ которыхъ для меня совершенно непонятенъ, напр. „страданія, далеко ли?“, я не понимаю, что это такое значить. Или напр. слышу „такъ, такъ, лучше“—тоже неизвѣстно, что это обозначаетъ. Или слышу „здорово да мило“ или „какъ это можетъ быть“ или „что тебя такъ чудить, что тебя такъ удивляетъ, что тебя чудить совсѣмъ, диковинка“. Иногда слышу одни только звуки и слоги, смысла которыхъ также не понимаю напр. „бм, бм, гм, гм“ въ родѣ мычанія, или „а, во, ва, ле, э, и“, въ родѣ болтовни языкомъ, бессмыслица какая-то, и при этомъ быстрое произношеніе. Когда есть смыслъ въ словахъ, то это пріятнѣе, если же бессмыслица или какіе-нибудь отдѣльные звуки, то это обстоятельство доводитъ меня до слезъ, меня тогда начинаетъ тревожить этотъ гипнозъ, и ротъ у меня начинаетъ кривиться въ сторону. Иногда непонятныя фразы или слова соединяются съ какимъ-либо дѣйствіемъ моимъ, напр. еще 15 л. т. н. всякій разъ, когда я одѣвалъ башмаки, микрофонъ твердилъ: „это ничего не значить, это ничего не значить, когда такъ, это ничего“. Вотъ теперь я слышу „ка... ака... нака..“. Я не знаю, что это, и не знаю, что отвѣчать микрофону. Мнѣ нужно что-нибудь человѣческое. Вотъ онъ говорить сію минуту „авію, ало... ало... а видѣлъ ли ты слона совсѣмъ нау“. Совершенная бессмыслица, а потому я и боленъ. Вотъ онъ говорить „але на французскомъ языкѣ не видѣлъ“.

О ловлѣ и переводѣ микрофономъ мыслей.

„Когда однажды д-ръ вызвалъ меня въ кабинетъ, то сзади меня стояла какая-то фигура въ бѣломъ, и я подумалъ, что это студентъ. Когда же я ушелъ и легъ на свою постель и думалъ всетаки, что это студентъ, то появился вопросъ отъ микрофона, „какъ же зимою могъ быть студентъ одѣтымъ во все бѣлое“, и я получилъ отъ микрофона отвѣтъ „дурь“ (дуракъ), и можетъ быть часа 3 микрофонъ мучилъ меня этимъ названіемъ. На другой день, когда снова д-ръ меня позвалъ, то фельдшеръ стоялъ противъ меня въ бѣломъ, и я самъ замѣтилъ, что это былъ фельдшеръ, послѣ того, какъ микрофонъ вчера мнѣ уже выяснилъ, что зимою не могъ быть студентъ одѣтымъ въ бѣлое, и тотчасъ же послышался голосъ „итакъ ты его не замѣтилъ“. Такимъ образомъ микрофонъ самъ можетъ задать вопросъ, онъ словилъ меня на моей же мысли, онъ произнесъ вслухъ мою же собственную мысль и далъ отвѣтъ „дурь“. На другой же день мысль, принадлежавшую мнѣ, что это фельдшеръ, микрофонъ не высказалъ, но за то произнесъ „итакъ, ты его не замѣтилъ“. Тутъ микрофонъ рѣшилъ, а тамъ бранился. Сегодня я услышалъ также слово „сумасшедшій“. Происхожденіе его слѣдующее: вчера я съ вами разговаривалъ о ректорѣ Ш. и вотъ утромъ, проснувшись, я вспомнилъ объ этой бесѣдѣ и сію же минуту услышалъ голосъ „сумасшедшій су.. сум... сумасшедшій“. Произнесеніе этого слова продолжалось цѣлый часъ такъ, что я не могъ даже отдохнуть. Слово „сумасшедшій“ явилось взамѣнъ фразы сказанной Ш. „я же человекъ нервный“, т. е., все равно, что сумасшедшій. *Микрофонъ перевелъ эту мысль.*

Я пробовалъ, чтобы микрофонъ говорилъ по-еврейски, напр., *wergückt*, значитъ сумасшедшій, и микрофонъ отвѣчаетъ мнѣ (переводитъ самъ съ нѣмецкаго) „сумасшедшій“ и ни за что не хочетъ сказать по-нѣмецки это слово, оно, вѣроятно, не впитывается въ него. Я бы хотѣлъ поѣхать въ Австрію, чтобы не слышать микрофона по-русски, чтобы избавиться отъ него. Мнѣ необходимо уйти изъ больницы, я тутъ заразился словами“.

О навязчивыхъ вопросахъ и мысляхъ.

„Иногда меня микрофонъ положительно измучить рядомъ вопросовъ, напр., вчера онъ меня измучилъ словомъ „тѣнь“ „откуда и куда тѣнь, а можетъ быть она съ лѣвой стороны, а можетъ быть она съ правой стороны, куда она дѣвалась и какъ это можетъ быть, а можетъ быть она надъ (предметомъ) или же на (предметѣ)“. Указывая на тѣнь, микрофонъ говоритъ „а то что, а это что“ и нечего мнѣ ему отвѣчать. Онъ замучилъ меня рядомъ вопросовъ, касающихся тѣни. Такихъ криковъ я еще никогда не слыхалъ, слишкомъ сильный голосъ, такъ реветъ, какъ корова. Эти крики продолжаются со вчерашняго дня и теперь сегодня. Я получилъ сгибъ позвоночника, я согнулся отъ этихъ криковъ, я худѣю, у меня бока болятъ. Голосъ слишкомъ быстро задаетъ вопросы.

Иногда у меня появляются навязчивыя мысли. Мысль, явившись отъ микрофона, не даетъ мнѣ покоя. Напр., лежа на подушкѣ, я услышалъ голосъ микрофона „не завалилась ли тамъ папираса въ наволочкѣ?“ Я взялъ наволочку, скинулъ одну сторону, перекинулъ ее на лѣвую сторону, чтобы убѣдиться, что ничего нѣтъ внутри, а микрофонъ говоритъ „а можетъ быть она съ той стороны“. Я нарочно не хотѣлъ смотрѣть, легъ, но продолжалъ думать „а можетъ быть она дѣйствительно съ той стороны“, поэтому и не вѣрилъ, такъ какъ былъ убѣжденъ въ этомъ, да и она тамъ не могла находиться, потому что я ставилъ наволочку перпендикулярно, и если бы была папираса, то она бы упала. Тогда голосъ сказалъ: „можетъ быть она упала на полъ“. Я нарочно легъ, не посмотрѣвъ ни на ту, ни на другую сторону наволочки, ни на полъ, но въ это время у меня появилась тоска, я началъ скучать за этимъ предметомъ, тогда -я долженъ былъ въ концѣ концовъ посмотрѣть на полъ, но тамъ ничего не оказалось, и тогда я замѣтилъ, что тоска у меня преобразилась.

Голосъ появляется у меня при нѣкоторыхъ моихъ дѣйствіяхъ, напр., когда я беру кусокъ хлѣба въ руки и хочу донести до рта, то сначала не могу этого сдѣлать, такъ какъ голосъ говоритъ мнѣ (я слышу) „что тутъ желтое и что тутъ черное“ (въ хлѣбѣ вѣдь есть пятнышки и желтые, и черные, которыя я замѣчаю, когда подношу къ себѣ хлѣбъ), а когда

я не обращаю вниманія на эти слова, начинаю ѣсть хлѣбъ, то у меня появляется тоска, и является мысль (вопросъ), что же тамъ было черное и что тамъ было желтое, и вотъ я сижу и думаю.

Когда ѣмъ супъ и набираю ложкой, то оставшійся въ чашкѣ супъ кажется темнѣе и слышится голосъ „также копѣйка“ (кругъ супа въ видѣ копѣйки), тогда я долженъ съѣсть весь супъ и убѣдиться, что нѣтъ копѣйки. Я не могу не обратить вниманія на голосъ микрофона, мысль сама навязывается, у меня является тоска. Все круглое, какъ напр. супъ въ чашкѣ, представляется мнѣ копѣйкой. Я знаю, что это обманъ зрѣнія, но не могу отдѣлаться отъ мысли. Иногда микрофонъ вмѣсто „копѣйка“ говоритъ „ко“ (я сбросилъ раньше пѣйка). Когда я иду по коридору одинъ и никого нѣтъ, то видимые предметы я долженъ назвать (ключъ, пятно, крышка и пр.). Въ другой разъ передъ сномъ мнѣ самому приходитъ какая-нибудь мысль, напр., въ то время какъ я легъ спать, но еще не уснулъ, я задумался о тѣни, которую видѣлъ съ правой стороны кровати, происшедшую вслѣдствіе складки простыни и въ то время, когда я думалъ, что тѣнь находится съ правой стороны кровати, я услышалъ голосъ „а за...“, что обозначаетъ недоконченную фразу „а за плечами что“, за плечами я прибавилъ самъ, такъ какъ голосъ говоритъ только „а за...“. Тогда я заглянулъ за кровать, поднялъ простыню и убѣдился, что нѣтъ ничего, тѣнь отошла, скрылась, и былъ отвѣтъ микрофона: „итакъ ты указалъ“. Такимъ образомъ, я долженъ всегда при явившейся у меня мысли исполнить то, что мнѣ говоритъ голосъ. Когда я читаю нѣсколько строкъ на одной страницѣ, то у меня является мысль прочесть послѣднюю строчку на послѣдней страницѣ, я ее читаю, но въ это время у меня является мысль посмотреть на переплетъ, я смотрю на переплетъ. При чтеніи газеты вслухъ такой мысли не является. Когда читаю громко, другое слово не слышится. Въ тишинѣ же одно слово тянется за другимъ“.

О голосахъ при чтеніи книги или газеты.

„Когда я читаю газету, известное слово какое-нибудь, то слышу голосъ „а нельзя ли?...“ и переиначиваетъ или

вѣрнѣе измѣняетъ окончаніе слова, напр., читаю газету и слышу „а нельзя ли газеты?“, читаю телеграмму и слышу „а нельзя ли телеграммы“. Слово само по себѣ не замѣняется другимъ, но измѣняется падежное окончаніе, вмѣсто родительнаго падежа ставится творительный и пр.

Когда я читаю газету или книгу про себя, у меня внутри тянется крупный разговоръ о чемъ-нибудь, напр., о смотрителѣ, какъ онъ поступилъ, о д-рѣ, какъ онъ меня распрашивалъ; это у меня внутри разговаривается, оно само бурчить, я вовсе не хочу этого, эти слова тянутся, идутъ за мной противъ моей воли. Когда я читаю, наступаетъ самодѣйствіе, это мнѣ мѣшаетъ читать газету, и я долженъ отдохнуть и покончить эти разговоры, дать себѣ возможность, чтобы эти разговоры выговорились. Эти разговоры были *припоминаніемъ* дѣйствительно различныхъ прошедшихъ событій моей жизни и разговоровъ, которые я велъ прежде съ сослуживцами, съ людьми вообще. Въ этихъ разговорахъ, которые тянутся въ моемъ мозгу, чужія слова слышались такъ, какъ если бы я читалъ ихъ буквально, т. е. происходитъ настоящій разговоръ, и я слышу его въ правомъ ухѣ снутри, онъ самъ выходитъ изъ моей головы. Я точно иногда повторяю свой разговоръ съ кѣмъ-либо. Если же я читаю газету или книгу громко, то постороннія мысли или разговоры у меня являются весьма рѣдко, и они мнѣ не мѣшаютъ, такъ какъ всего явится нѣсколько словъ“.

О трудности мыслить молча и тихо называть предметы.

„Когда я пишу письма, то голосъ меня очень рѣдко тревожитъ, я могу написать 6—7 страницъ и въ это время, можетъ быть, услышу отъ микрофона одно, два слова. Въ это время я мало думаю о немъ, микрофонъ ко мнѣ не относится. Это потому, что я внутри мыслю, все равно, что разговариваю съ какимъ-нибудь человѣкомъ. Письмо я пишу и въ это время произношу слова вслухъ, все равно, что читаю книгу вслухъ. При чтеніи вслухъ, вѣдь я не могу слышать микрофона. Когда же я читаю книгу про себя, то во время чтенія у меня появляются воспоминанія прошлаго, и я это долженъ продумать (не могу остановить или прогнать) и по-

томъ принимаюсь за чтеніе. Вообще, мнѣ тихо нельзя говорить, только громко. Вотъ я не могу теперь тихо рѣшать самыя простыя задачи, мнѣ тяжело, языкъ болтается и слышатся голоса. Прежде же, когда я былъ здоровъ и былъ самъ учителемъ, могъ тихо рѣшать задачи, а теперь я долженъ рѣшать ихъ громко, а то микрофонъ ихъ мнѣ перебиваетъ. Простую задачу не могу сдѣлать, напр., 3 п. 25 ф. 3 зол., сложить нѣсколько слагаемыхъ не могу. Тихое мышленіе для меня невозможно, я долженъ мыслить громко, т. е. говорить свои мысли громко. Вотъ, сидя съ вами, и разговаривая, я веду себя, какъ здоровый, а отходя отъ васъ молча, я уже больной человекъ, я пусть, у меня уже внутри ничего нѣтъ, могу только сказать „докторъ записаль“, я не могу мыслить, я же душевникъ. Мнѣ очень трудно было бы мысленно молиться Богу, читать молитву, такъ какъ при тихомъ мышленіи у меня идутъ другія мысли, напротивъ, я долженъ молиться громко. Я чувствую, что я внутри пусть, это значить, если я желаю что-нибудь сказать, то у меня нѣтъ словъ для выраженія этой мысли. Напр., утромъ, когда я встаю, и прохаживаю мимо меня служитель, я не имѣю ему что сказать, я весь принадлежу микрофону и потому я дышу мечтой микрофона, онъ поглощаетъ всѣ мои мысли и я внутри пусть. У меня нѣтъ набора мыслей, потому я долженъ дышать микрофономъ, которому я передалъ много своихъ силъ. Если бы я говорилъ съ людьми, то мнѣ было бы весьма легко, я можетъ быть совсѣмъ бы не слышалъ микрофона, вотъ, какъ разговаривая съ вами, я совсѣмъ его не слышу. Я нахожусь во власти микрофона. Иногда, когда я лежу весь укрытый одеяломъ съ головой, я слышу „а свѣтло ли на дворѣ“. Тогда я начинаю думать, не свѣтло ли на дворѣ, и я долженъ непременно посмотреть, такъ какъ у меня является тоска. Если бы кто-нибудь другой, напр. служитель, сказалъ мнѣ эту фразу, то я бы о ней не думалъ, а если это дѣлаетъ микрофонъ, то у меня мозгъ дѣлается прибитымъ (я не могу думать о другихъ предметахъ) пока не исполню извѣстную точку, что я призадумалъ, т. е. внушеніе микрофона. Или же голосъ у меня спрашиваетъ „что за тьма?“ (я призадумался о тьмѣ, которая была за шкафомъ), я сталъ думать, что за тьма, нѣсколько минутъ думалъ, что за тьма. Это значить, что микрофонъ прибилъ мой мозгъ къ этому предмету.

Когда я заболѣлъ, то я потерялъ способность правильно называть предметы, о чемъ я призадумалъ, напр., вотъ промокательная бумага, если я теперь хочу ее назвать. то говорю другое слово, вмѣсто того, чтобы сказать „вотъ промокательная бумага“, говорю „вотъ *кровать*“, хотя и знаю, что это промокательная бумага (сейчасъ я услышала голосъ „спасеніе никакое, когда въ *кровати* лежишь“). Тогда микрофонъ ловитъ меня на неправильномъ произношеніи и говоритъ „а сказалъ *кровать*“; вмѣсто того, чтобы сказать „сѣсть на *кровать*“, я тихо про себя произношу „сѣсть на *столь*“, и слышу голосъ микрофона „а сѣсть на *столь*“, тогда я сознаю, что сдѣлалъ ошибку и, желая ее исправить, я долженъ громкимъ голосомъ сказать „сѣсть на *кровать*“. Вѣроятно, у меня нѣтъ силъ (слышу голосъ теперь „истощилась сила“). Такимъ образомъ *тихо я говорю все наоборотъ*, но понимаю правильно и хочу сказать правильно, громко же я произношу все вѣрно. Я въ тишинѣ очень боленъ въ виду того, что я слышу голосъ микрофона, который мѣшаетъ мнѣ свободно мыслить, и называю предметы неправильно, не могу мыслить, мыслительная работа моя затруднена. Я долженъ видѣть все наглядно, т. е. быть въ городѣ, бесѣдовать съ людьми, тогда сила микрофона теряется и я могу свободно мыслить: внутри у меня будетъ приходъ, а то я внутри пустъ, всѣ мои мысли уничтожены или исковерканы“.

Появленіе мысли ранѣе, чѣмъ голоса.

„Сейчасъ я подумалъ „завтра 1-ое апрѣля“ и услышала фразу „съ 1-мъ апрѣлемъ будьте здоровы и обманите кого-нибудь“. Проснувшись утромъ, я подумалъ о томъ, что д-ръ О. выдалъ тремъ постороннимъ лицамъ бумаги съ эксплуататорствомъ о моемъ онанизмѣ. Если бы онъ выдалъ только моему брату, согласно моему письму, то я бы ничего не имѣлъ противъ, но въ виду того, что сестра Ф. сказала, что я не стѣснялся своею болѣзнью, это обстоятельство меня обезпокоило, и вотъ, вспомнивъ о немъ, я получилъ отвѣтъ отъ микрофона „вы не стѣснялись ничего“. Сестра Ф. сказала „онъ не стѣснялся“, а микрофонъ говоритъ „вы не стѣснялись ничего“.

Я шелъ вчера по коридору и замѣтилъ черезъ окно настоящее солнце; возвращаясь обратно, я черезъ другое окно увидѣлъ солнечный свѣтъ, и вотъ я слышу голосъ „откуда 2 солнца“, я боялся уже смотрѣть въ окно, боялся вопроса, у меня появилась тоска“.

О болѣзненныхъ ощущеніяхъ при голосахъ.

„Произношеніе словъ микрофономъ отражается на мнѣ болѣзненно, а именно, у меня раскалывается животъ, и въ головѣ появляется ощущеніе убиванія въ видѣ палочекъ боли; въ мозгу колебаніе мозга и ощущеніе жара и въ позвоночникѣ колебаніе. Чувство боли въ лѣвомъ боку и въ правомъ, боли сосредоточиваются подъ сердцемъ, ощущеніе въ области, соответствующей грудины. Въ лѣвомъ боку какъ будто рветъ верхнюю кожу, которая поднимается кверху и собирается въ складку. *Въ ушахъ цѣлый день сильный шумъ отъ голосовъ.* Чувствую внутри головы хрипъ или гуденіе, отзывающееся въ грудную кѣтку. Голоса, повторяясь непрерывно, ударяютъ въ грудь въ оба бока, а потому я долженъ придерживать бока руками, задерживать движеніе реберъ. Чувствую стукъ въ головѣ, холодъ въ тѣлѣ и разбитость. При ѣдѣ иногда ощущаю стекло въ грудной области. Не могу вообще громко говорить. Надъ сердцемъ чувствую движеніе какой-то жилы, какъ струны. Силь нѣтъ. Чувство гнѣва. Дрожаніе въ тѣлѣ при нѣкоторыхъ словахъ. Голоса кажутся отвратительными. Хожу, какъ испуганный. Насиліе дѣлается надо мной, хочу сказать что-нибудь и не могу. Иногда не могу двигать правой рукой, внутри жгетъ въ животѣ, чувствую себя всего перебитымъ, не могу тронуться съ мѣста; въ головѣ гудитъ, разрываетъ сердце, тянетъ грудь и сердце, ломаетъ спину, я боленъ словами, микрофонъ своимъ разговоромъ тревожитъ меня, задерживаетъ дыханіе, раздражаетъ, дѣлаетъ сердитымъ на весь день. Микрофонъ твердитъ иногда слова въ теченіе 8 часовъ, и потому я дѣлаюсь совершенно больнымъ.

Болѣзненные ощущенія я объясняю тѣмъ, что не могу „облегчить“ слова, которое кричитъ микрофонъ. Напр., я слышу какое-нибудь слово и не могу избавиться отъ него, выдать его наружу, если бы я это сдѣлалъ, у меня бы не было болѣзненного ощущенія. Вотъ я слышу слово „дуракъ,

дуракъ“, оно повторяется много разъ и мнѣ дѣлается тяжело и внутри является тягостное ощущеніе. Я не могу „осуществить“ слова“.

О борьбѣ съ голосами.

„Такъ какъ я постоянно испытываю тягостныя ощущенія отъ голосовъ, то я стараюсь употребить какія-нибудь средства, чтобы облегчить себѣ страданія.

1 способъ. Я сокращаю иногда произносимое микрофономъ слово, напр., вмѣсто „неумѣлый“, я сократилъ „неу“. Мнѣ тогда становится легче при сокращеніи слова. Я сократилъ слова серебро (се), штрафъ (штра); засни (сни).

2 способъ. Когда какое-нибудь слово надоѣдаетъ мнѣ своимъ однообразіемъ, то я измѣняю его по своему, напр., вмѣсто того же „неу“, я произношу или выкидываю ему „на у“, тогда микрофонъ также борется со мной и отвѣчаетъ „фу не у“.

3 способъ. Разговоръ съ кѣмъ-нибудь постороннимъ заставляетъ умолкнуть голоса.

4 способъ. При чтеніи книги или газеты вслухъ голоса становятся неслышными.

5 способъ. Чтобы не слышать словъ и фразъ, которыя мнѣ страшно надоѣли, я начинаю думать о другомъ. Напр., чтобы заглушить въ себѣ голосъ (галлюцинацію), я сегодня думалъ, что былъ въ театрѣ со зрителемъ въ ложѣ и пилъ пиво, это я представилъ въ натуральномъ видѣ, но это не помогло.

6 способъ. Иногда я себѣ затыкаю уши во время голосовъ, то слышу перерывъ въ словахъ м...м ..м..., какъ будто бы слушалъ музыку со стороны.

Иногда закрываю себѣ глаза, когда микрофонъ мнѣ твердитъ фразу „копѣйка на полу, копѣйка на полу“, чтобы ничего не видѣть, и получаю отвѣтъ „итакъ ты пустъ“ (значитъ нѣтъ ничего въ умѣ)“.

Процессъ припоминанія и появленіе голоса.

„Когда мнѣ необходимо припомнить фамилію того лица, которое я знаю, но въ данную минуту я позабылъ его фами-

лію, то я воображаю этого человѣка и жду, когда микрофонъ мнѣ скажетъ его фамилію. Черезъ нѣсколько секундъ или сейчасъ же, или же черезъ нѣсколько минутъ я слышу, какъ микрофонъ *произноситъ мнѣ въ ухо* (крикнулъ) эту фамилію. Я слышу ясно эту фамилію.

Передъ тѣмъ, какъ микрофонъ долженъ произнести фамилію, у меня въ головѣ тоска, я думаю, какъ фамилія, и не могу уже заняться никакой работой, пока микрофонъ не даетъ мнѣ отвѣта. Сегодня я слышалъ фразу отъ микрофона „милліоны, милліарды“, я призадумался надъ вопросомъ, кто сказалъ эту фразу, и получилъ отвѣтъ отъ микрофона „Митницкій“. Дѣйствительно, я припоминаю, что больной М. постоянно эти слова говорилъ.

Иногда я сижу и припоминаю себѣ прошлое, которое мнѣ вообще вспоминается, и тогда я получаю отвѣтъ отъ микрофона. Напр., мнѣ припомнилось, что мой братъ далъ бумагу и конверты одному больному, котораго фамилію я забылъ, тогда микрофонъ мнѣ отвѣчаетъ сейчасъ же „это былъ Сѣдлецкій“.

Микрофонъ говоритъ вѣрно, не ошибается, если бы онъ ошибся, я бы эту фамилію не принялъ. Онъ мнѣ скажетъ фамилію, и я дѣйствительно припоминаю, что это было то самое лицо.

Микрофонъ говоритъ то, что я требую въ умѣ“.

Голоса, какъ результатъ контрастирующихъ представленій.

1. „Когда я одѣваюсь и прячусь отъ свѣта, слышу „а свѣтло ли на дворѣ“.
2. Когда ищу предметъ съ одной стороны, слышу „а можетъ быть онъ съ другой стороны“.
3. Если ищу съ этой стороны, получаю отвѣтъ „а можетъ быть онъ за кроватью“.
4. Смотрю за кровать и слышу „а можетъ быть онъ упалъ на полъ“.
5. Если вспоминаю о чемъ-нибудь, напр., фамилію ординатора, и назову ее про себя, тогда голосъ говоритъ „забылъ“ (вмѣсто вспомнилъ), и если я всетаки повторяю „я же вспомнилъ“, то голосъ снова повторяетъ „забылъ, споришь“. Этотъ

споръ мой съ микрофономъ кажется мнѣ положительно смѣшнымъ, я говорю одно, онъ утверждаетъ противоположное. Иногда микрофонъ меня очень сердить.

6. Микрофонъ по временамъ выбираетъ слова изъ книги и говоритъ „la vache (корова), это ты не видѣлъ“; на французскомъ языкѣ есть слово la vache, микрофонъ говоритъ „а ты это слово не видѣлъ“, тогда какъ на самомъ дѣлѣ я это слово видѣлъ, но микрофонъ, желая меня разсердить, нарочно говоритъ, что я этого слова не видѣлъ, тогда какъ я это слово читалъ и даже знаю страницу, на которой это слово написано.

7. Вотъ онъ говоритъ „ты воръ, ты не пойманъ онанизмомъ“. Вотъ это я съ вами раньше разговаривалъ, я говорилъ „пойманъ онанизмомъ“, а микрофонъ наоборотъ диктуетъ „не пойманъ онанизмомъ“. Я же самъ не воръ, а онъ говоритъ воръ. Такимъ образомъ голосъ въ отрицательномъ смыслѣ изображаетъ то, о чемъ, д-ръ, мы говорили съ вами раньше.

8. Когда говорю правду, слышу „вру и повѣритъ ли онъ“. Если я отвѣчаю микрофону „не вру“, микрофонъ отвѣчаетъ „также наоборотъ“.

9. Вмѣсто того, чтобы назвать меня „хриплый“, микрофонъ говоритъ „не хриплый“.

Микрофонъ все говоритъ наоборотъ.

10. Когда я нахожусь въ хорошемъ настроеніи, микрофонъ желаетъ меня разсердить и повторяетъ „итакъ, ты сердитый сталъ“. Рано утромъ, когда я только-что всталъ и открылъ глаза, я услышалъ: „итакъ, ты сердитый сталъ“, послѣ того какъ я взялъ туфли. Когда я одѣлъ туфли, снова услышалъ „итакъ ты сердитый сталъ“. Этими словами онъ дѣйствительно меня разсердилъ.

11. Вотъ сейчасъ я съ вами разговаривалъ о туфляхъ и сейчасъ я слышу фразу: „а нельзя ли башмаки“, мы говорили о туфляхъ, а онъ оттуда говоритъ о башмакахъ, но вѣдь у меня нѣтъ башмаковъ.

12. Микрофонъ говоритъ мнѣ „ты виновень: Иисуса Христа распялъ“, но вѣдь я не видѣлъ его, это сдѣлали мои предки, а микрофонъ меня обвиняетъ.

13. Я слышу отъ микрофона „дуря“, это слово было сказано въ моемъ присутствіи другому больному, и я спра-

шиваю у микрофона „зачѣмъ вы мнѣ посылаете дуря, когда я ничего не знаю“, но микрофонъ на это не даетъ мнѣ никакого отвѣта. Я же вовсе не дуракъ“.

Голоса, какъ результатъ безсознательнаго и сознательнаго умозаключенія.

„Когда я смотрю на вещь, слышу голосъ „посмотримъ“, смотрю на лежащій предметъ, голосъ говоритъ „лежитъ“. Утромъ, проснувшись, слышу фразу: „я расскажу всѣмъ студентамъ, что ты сифились“. Объясненіе этого слѣдующее: 4 дня тому назадъ въ ту палату, гдѣ я находился, поступилъ студентъ, о которомъ я умозаключилъ, что онъ поступилъ въ больницу, потому что у него сифились. Черезъ день, когда его смотрѣлъ д-ръ, я рѣшилъ, что у студента, навѣрное, сифились, и вотъ сегодня я услышалъ фразу „я расскажу всѣмъ студентамъ, что ты сифились“; это потому, что я раньше думалъ объ этомъ студентѣ.“

Слово „расскажу“ микрофонъ мнѣ вообще постоянно твердитъ.

Голоса, связанные съ мыслями и поступками.

„Иногда я слышу слова отъ микрофона, имѣющія непосредственную связь съ моими мыслями или поступками. Напр., я беру книгу, хочу читать и говорю, или думаю, что я долженъ читать, въ это время я слышу голосъ микрофона „чти“, и тогда я продолжаю самъ „чти отца и мать“ и—выговариваю эту фразу или тихо, или громко. Эту фразу я читалъ въ книгѣ, это есть заповѣдь. Иногда я иду обѣдать и думаю, что вотъ я буду обѣдать, въ это время я слышу голосъ микрофона „я расскажу, что ты обѣдалъ“. Когда я ухожу съ постели, слышу слова „я расскажу, что ты ушелъ“.

Голоса, какъ результатъ напряженности вниманія.

„Если я призадумаясь надъ какимъ-либо явленіемъ и сосредоточу на немъ свое вниманіе, какъ тотчасъ же слышится голосъ: „а за...“ т. е.—а за плечами что, напр., внизу

тѣнь и слышу „а за...“,—и я долженъ изслѣдовать, что находится позади меня или позади тѣни, разглядить селадку на простынѣ, и тогда слышу голосъ „итагъ ты указалъ“.

Голоса, какъ отзвуки мысли.

„Сегодня я слышала слово „икона“. Будучи на колоніи, я видѣла икону и сегодня, подумавъ о ней, услышала голосъ „икона“. Иногда мой сосѣдь повторяетъ тѣ слова, которыя обыкновенно мнѣ твердитъ микрофонъ, я объясняю это тѣмъ, что микрофонъ внушилъ мои мысли сосѣду, а тотъ уже ихъ повторяетъ.

О живости зрительнаго и объ отсутствіи слухового воображенія.

„Съ тѣхъ поръ, какъ я въ больницѣ, у меня въ теченіе 8 лѣтъ постоянно воображается то, о чемъ я веду бесѣду. Напр., если вы скажете „солома“, то она сейчасъ передъ глазами у меня, если говорите „змѣя“, то у меня, въ глазахъ или точнѣе, передъ глазами находится змѣя, я вижу ее не натурально, а въ своемъ воображеніи. У здороваго этого не можетъ быть, когда я былъ здоровъ и былъ при занятіяхъ, никакихъ воображеній у меня не было. Когда 25 дек. 1905 г. японцы взяли П. Артуръ, то моментально мнѣ представились закрытыя двери (ворота). Я потомъ понялъ, что П. Артуръ не можетъ быть въ видѣ воротъ, но этотъ образъ моментально прошелъ передо мною, когда одинъ б-ой прочиталъ мнѣ о взятіи П. Артура. И теперь также, если мнѣ скажутъ „П. Артуръ“, я себѣ представляю эти ворота. Если я хочу вообразить г. Вѣну, то она представляется мнѣ въ видѣ Екатерининской улицы, гдѣ расположенъ П. Рояль. Г. Нью-Йоркъ представляется мнѣ въ видѣ дома Баржанскаго, желтый, большой, домъ. Хотя Нью-Йоркъ городъ, но мнѣ такъ вообразилось, когда вы сказали Нью-Йоркъ. При словѣ „животное“ у меня прошелъ или пробѣжалъ мимо моихъ глазъ на разстояніи 3-хъ аршинъ козелъ. Я сейчасъ представилъ эту фигурку, или точнѣе она неожиданно пробѣжала передъ моими глазами; вотъ неожиданно пробѣжалъ пѣтухъ. При воображеніи чело-вѣка мнѣ представился черный негръ. Когда вы сказали, что у негровъ черные волосы и красныя губы, то теперь вышли черныя волосы и красныя губы. При словѣ „левъ“ передо

мною пробѣжала собака съ большими волосами, вмѣсто льва вышла другая мысль, а теперь есть левъ, котораго я видѣлъ на большой коробкѣ папирозъ, живого я не видѣлъ. Собака у меня появилась моментально, также напр. какъ при произнесеніи слова „читать“, у меня появляется „писать“. При словѣ „роза“ у меня появляется роза красная, на разстояніи 3-хъ аршинъ отъ меня, но я по моему желанію могу поставить ее на любомъ разстояніи: вотъ я погналъ ее дальше на микрофонъ и воображаю розу, стоящую на микрофонѣ, или вотъ теперь умою я погналъ ее въ деревню на нѣсколько миль. Образъ розы такой же ясной, какъ въ натуральномъ видѣ. Нѣкоторые образы иногда стоитъ передо мною долгое время. Напр., въ теченіе 2-хъ мѣсяцевъ передо мною стоитъ образъ сестры, какъ она находится въ своей квартирѣ возлѣ стола, причесанная. Мнѣ сказали, что сестра перешла на другую квартиру, и вотъ ея образъ появился передо мною въ томъ видѣ, какъ ее я видѣлъ раньше. Когда вы мнѣ сказали „солома“, то вотъ около моего носа вертикально стоитъ солома, но не въ натуральномъ видѣ, а воображеніемъ; вотъ змѣя, я вижу ее круглую какъ она ползетъ по стѣнкѣ (такъ какъ это было въ деревнѣ, когда я видѣлъ змѣю, ползущую по забору). Этотъ зрительный образъ кажется моимъ собственнымъ, такъ какъ слова, которыя я слышу отъ микрофона, идутъ ко мнѣ снаружи въ натуральномъ видѣ, такъ какъ я бы ихъ слышалъ отъ другого человѣка, который бы со мной разговаривалъ. Т. обр. я нахожу большую разницу между зрительнымъ воображеніемъ и слуховымъ ощущеніемъ, которое я испытываю. Зрительное воображеніе я имѣю хорошее, что касается звуковъ, то я совершенно не могу вообразить ихъ. Я могу напр. вообразить буквы въ словѣ читать, но звука вообразить не могу.

У меня есть зрительное воображеніе, а слухового нѣтъ.

Вотъ я былъ на „Наталкѣ Полтавкѣ“, мнѣ воображается, какъ происходила вся сцена, но голосовъ я не могу вообразить.

Я могу напр. зрительно вообразить даже то, чего я не видѣлъ; напр. я не видѣлъ свадьбы и жениха своей племянницы, а между тѣмъ я воображаю, какъ этотъ женихъ идетъ съ невѣстой по лѣстницѣ, представляю себѣ лицо и ростъ жениха, вижу костюмы, движеніе, но никакихъ разговоръ

не слышу. Раньше я слышалъ какъ на піанино играла племянница гамму, но вообразить звуки рѣшительно не могу. Вотъ сейчасъ пробую и не могу“.

Иллюзіи зрѣнія и слуха, соединенныя съ галлюцинаціями слуха.

„Когда я хожу по коридору, то боковыми частями сѣтчатки я замѣчаю неясно предметы, находящіеся въ палатѣ, и тогда я слышу голосъ микрофона“ черезчуръ бѣлый, необыкновенно бѣлый, почему онъ необыкновенно бѣлый. „Я долженъ подойти къ окну и посмотрѣть. Издали, смотря на цифры, вмѣсто 56 вижу 36, вмѣсто „больныхъ“ вижу школьныхъ. И сейчасъ вотъ я смотрю на окно и вижу, что въ деревянномъ переплетѣ окна что то черное, и когда я подошелъ, то оказалось, что ничего нѣтъ, было чисто, голосъ сказалъ: „итакъ ты посмотрѣлъ“, когда я отошелъ, то снова появилось прежнее и голосъ отвѣтилъ „итакъ ты повторилъ“. Смотри сейчасъ на календарь, я вижу хорошо цифру 25, но дня не вижу и вотъ я слышу: „итакъ ты гладко“ (значитъ ты не видишь буквъ, гладко). Когда я ближе подхожу къ календарю, то слышу „итакъ ты видѣлъ“, затѣмъ прибавилось слово „не у...“. Когда я видѣлъ бумагу на полу, то голосъ кричалъ: „серебро“, я ухожу, чтобы не смотрѣть на эту бумагу и слышу тогда: „посмотри, также интересно“, и я долженъ возвратиться, взять эту бумажку, порвать ее и бросить куда нибудь, такъ какъ другіе б-ые въ особенности на колоніи, собираютъ эти бумажки, кладутъ ихъ за пазуху. Это все штуки микрофона, это его работа, онъ заставляетъ брать и прятать бумажки. Сестра милосердія Г. передаетъ разныя сплетни другимъ обо мнѣ, она также внушила микрофону нѣкоторыя слова, которыя теперь возвращаются изъ микрофона и бьютъ меня въ голову. Эти слова „фу, поганый, противно съ нимъ говорить, онъ не понимаетъ ничего, опущенный“. Я эти слова выслушалъ своимъ ухомъ лежа на постели. Меня ругаетъ смотритель проходя по коридору“.

О самосознаніи.

„Я сознаю, что я душевноболенъ, я страдаю галлюцинаціями, я слышу голоса, и я долженъ ихъ повторять; ника-

вой разницы въ прежнемъ моемъ состояніи и теперь нѣтъ, за исключеніемъ голосовъ. Я при умѣ, при разсудѣ, но я внутри уничтоженъ, я хочу говорить что нибудь, мечтать и не могу. Я внутри пусть, мыслить о чемъ нибудь я не могу, не имѣю силы. Я не могу о чемъ нибудь думать, мои мысли задерживаются микрофономъ. Потому себя считаю душевно-больнымъ, что отвѣчаю на вопросы микрофона и не могу приостановить свою мечту. Здоровый же человѣкъ отвѣчать не будетъ, онъ можетъ приостановить свою мечту. Я былъ бы совершенно здоровъ, если бы молчалъ внутри. Я долженъ отвѣчать микрофону, который тянетъ меня. Напр. микрофонъ предлагаетъ вопросъ „что же тебя такъ чудить“. Я оглядываюсь и не вижу ничего, чтобы меня чудило, тогда я нарочно воображаю улицу и говорю „я вижу кованы“.

О слабости критики.

„Вы спрашиваете меня, дѣйствительно ли я слышу голоса или это мнѣ воображается, отвѣчаю, что я слышу самъ и могу отличить голосъ микрофона отъ человѣческаго голоса, это не кажется, это въ натуральномъ видѣ. Я увѣренъ, что голосъ микрофона можно слышать на разстояніи 30 миль, такъ какъ я самъ его слышалъ на такомъ разстояніи, когда ѣхалъ въ деревню; такъ какъ это не человѣческій голосъ, а голосъ или звукъ машины, то онъ можетъ быть слышенъ очень далеко. Я имѣю свой собственный опытъ, а потому утверждаю, что натурально слышу голосъ“.

Я изложилъ довольно подробно описаніе больнымъ своего психическаго состоянія и долженъ сдѣлать нѣкоторыя предварительныя заключенія. У б-ого существуютъ слуховыя расстройства. Прежде всего слѣдуетъ рѣшить вопросъ, что имѣется въ данномъ случаѣ, галлюцинаціи или псевдогаллюцинаціи, или тѣ и другія, но сначала необходимо сдѣлать экскурсію въ область литературы по этому вопросу.

Hagen ¹⁾ былъ первый, употребившій терминъ псевдогаллюцинацій. Подъ этимъ именемъ онъ подразумѣвалъ „тѣ случаи, когда больные въ своихъ разсказахъ подставляютъ ими измышленное на мѣсто пережитаго въ дѣйствительности“.

Baillarger ²⁾ описалъ т. н. психическія галлюцинаціи, исключительно относящіяся къ области слуха, происходящія единственно вслѣдствіе „непроизвольной дѣятельности памяти и воображенія“; больные, страдающіе психическими галлюцинаціями, увѣряютъ, что они, „беззвучно слышать“ мысли постороннихъ лицъ, внутренно могутъ вести бесѣды съ невидимыми собесѣдниками.

Кандинскій ³⁾ изъ псевдогаллюцинацій *Hagen*'а выдѣлилъ группу явленій, которыя онъ назвалъ псевдогаллюцинаціями въ собственномъ смыслѣ или просто псевдогаллюцинаціями, когда больные имѣютъ весьма живые и чувственно до крайности опредѣленные образы, не имѣющіе характера объективной дѣйствительности, но прямо сознаваемые, какъ субъективные.

Кандинскій проводитъ рѣзкую разницу между галлюцинаціями и псевдогаллюцинаціями слуха говоря, что послѣднія суть субъективныя акустическія воспріятія, не имѣющія характера объективности, которая существуетъ для слуховыхъ галлюцинацій. *Кандинскій* доказывая, что псевдогаллюцинаціи также или даже еще болѣе ярки и чувственны, чѣмъ галлюцинаціи, уничтожилъ существенную разницу между этими двумя патологическими явленіями, но тѣмъ не менѣе видѣлъ огромное различіе между ними, зависящее отъ отношенія самихъ больныхъ къ происходящимъ съ ними явленіямъ. Если данный образъ б-ой считаетъ субъективнымъ, то будетъ псе-

¹⁾ *Hagen*. Zur Theorie der Hallucination. Allg. Zeitschr. f. Psych. XXV.

²⁾ *Baillarger*. Des hallucinations. 1844.

³⁾ *Кандинскій*. О псевдогаллюцинаціяхъ. 1890.

вдогаллюцинація, если объективнымъ, то галлюцинація. Разница это бываетъ настолько рѣзкая, что б-ые ее чувствуютъ; тѣмъ не менѣе эта разница не всегда бываетъ такъ рѣзка для б-ого, иногда онъ самъ не можетъ разобраться, для него представляется неяснымъ „слышитъ ли онъ надоѣдливый говоръ своихъ преслѣдователей дѣйствительно извнѣ, или же этотъ говоръ имѣетъ мѣсто лишь въ его головѣ“. Въ такихъ случаяхъ, добавляетъ К. псевдогаллюцинанты выражаются осторожно и нерѣшительно.

Однако, на практикѣ встрѣчаются такіе случаи, когда какое либо явленіе носить совершенно объективный характеръ, но тѣмъ не менѣе считается субъективнымъ. Приведу уже извѣстный примѣръ *Мопассана*. О себѣ онъ говоритъ слѣдующее: „что же бы было, если бы вы переживали то, что я переживаю. Возвращаясь домой, я нахожу своего двойника. Отверывая дверь, я вижу, что сижу на своемъ креслѣ. Я знаю, что это галлюцинація“.

У *Кандинскаго* былъ одинъ галлюцинантъ, который „знавалъ субъективное происхожденіе галлюцинаторныхъ образовъ зрѣнія, что разумѣется не мѣшало послѣднимъ сохранять свой характеръ объективности“.

Я наблюдаю нѣсколько случаевъ такихъ субъективно объективныхъ галлюцинацій исчитаю нелишнимъ привести три изъ нихъ.

Первый находится подъ моимъ наблюденіемъ въ теченіе 10 лѣтъ, второй 5 лѣтъ, а третій выздоровѣвшій оставилъ точное описаніе своихъ галлюцинацій, интересное во многихъ отношеніяхъ.

Примѣры объективно субъективныхъ галлюцинацій.

1) Б...ская дѣвица 50 л. окончившая гимназію, помѣщена въ Одесскую психіатрическую б-цу 3/VII 1899. *Paranoia hallucinatoria*. По моей просьбѣ согласилась разсказать о себѣ слѣдующее: „я страдаю галлюцинаціями. *Галлюци-*

наши есть образныя представленія лицъ, которыя меня здѣсь обружаютъ; мнѣ являются надзирательницы, иногда прислуга. Я вижу ихъ въ рельефномъ видѣ, но только въ сторонѣ отмѣченныя какими то предметами мягкими въ родѣ поклажи (возлѣ нихъ находятся какія то поклажи) такихъ вещей, которыя обыкновенно въ жизни не встрѣчаю. Эти лица, эти представленія б. частью лицъ присутствующихъ больныхъ, которыя болѣе вертятся вообще у меня передъ глазами, заняты собой и часто меня раздражаютъ тѣмъ, что около меня садятся, эти фигуры двигаются и разговариваютъ.

Можно сказать, что я объ этомъ думаю, не могу сказать, чтобъ это было несогласно съ моими мыслями, но я нахожусь въ состояніи гипнотическаго принужденія. Эти мысли, такъ неправильны, такъ невѣрны, а между тѣмъ они меня заѣдаютъ, и это я называю внушеніемъ. Иногда я ощущаю, что параллельно со мной въ нижней части живота происходятъ разговоры маленькихъ дѣтей, которыя запуганы и произносятъ религіозныя фразы въ такомъ неумѣстномъ мѣстѣ—половыхъ органовъ у меня; иногда дѣти произносятъ священныя фразы или молитвы, тогда и вскакиваю и говорю, что это мнѣ грѣшно слушать, а они отвѣчаютъ „это Эльди“ (на большую) или на служанокъ; эти маленькія дѣвочки боятся, чтобы служанки ихъ не зарѣзали. Дѣвочки говорятъ, что если онѣ этихъ фразъ не будутъ высказывать, то меня убьютъ. Эти дѣвочки, какъ сверчки. Онѣ говорятъ, что надо имъ закрывать глаза, дабы имъ не знать, гдѣ они находятся (я знаю, что эти дѣвочки находятся не у меня, но у другого лица, но какимъ то образомъ ощущеніе пребыванія ихъ у меня отдается въ соответственномъ мѣстѣ моего организма, щекочетъ, передается и мнѣ дѣлается скверно). Эти ребятишки очень милы, не испорчены, очаровательны своей личностью, чрезвычайно милыя дѣти. Я ихъ слабо вижу. Интонація ихъ голоса очень мила, привлекаетъ къ себѣ, очень нѣжная, есть что то деликатное въ нихъ, я бы стѣснялась брать ихъ въ руки, ловить ихъ.

При этихъ галлюцинаціяхъ вообще меня беспокоитъ запахъ, дурной, онъ ударяетъ мнѣ въ носъ. Иногда я слышу голосъ „ты у меня ѣшь изъ половыхъ органовъ“. Различныя звуки человѣческаго голоса, фразы, произнесенныя кѣмъ либо отзываются у меня въ заднемъ проходѣ, получается тамъ музыка, голоса.

2) Буд—скій. 20 лѣтъ. Dementia praecox. „Проснувшись однажды, я услышалъ голосъ“ ахъ ты Володя, ахъ ты Володя, подожди подожди“. Надо мной кто то смѣется и говоритъ мнѣ въ ухо: „Володя, тебѣ то стыдно, другое стыдно, дѣлай то-то, Володя сумасшедшій, не рви бумаги, такъ нельзя ходить“. Однимъ ухомъ правымъ я слышу, какъ бы мои собственные мысли внутри меня говорятъ, такъ какъ я не вѣрю въ духовъ. Слышу голосъ въ ухѣ: „ахъ ты Володя, подожди, мы принесемъ инструменты, мои твои д-ра, аль ты хитрый“. Иногда я чувствую, что у меня два голоса, одинъ мужскій, а другой женскій, одинъ голосъ зовется правдой, другой ложью. Правда говоритъ басомъ „Володя, то нельзя дѣлать, попутаетъ тебя“ другой голосъ—ложь говоритъ: „Володя, чортъ, чортъ, мы чорта не боимся, мы только боимся шептанія, пу-гаемся“.

Если я повѣрю голосамъ, то слышу „а мы Володю окалпачали“. Въ лѣвомъ ухѣ слышу слова „замолчи ложь, замолчи правда“.

Во время этихъ голосовъ умъ мой измѣняется, какъ будто одни кнопки ума запираются, а другія отпираются, тогда находитъ на меня женскій разумъ, мнѣ кажется, что рука у меня не мужская, а женская, кажется, что у меня не брюки, а юбка, не шапка на головѣ, а платокъ, не мужскія, а женскія половыя органы у меня, я стараюсь побороть эти мысли мои, хватаюсь за свой умъ и въ концѣ концовъ побѣждаю ихъ. Хочу иногда сказать одно слово, а выходитъ другое, когда мыслю, меня что то не допускаетъ. Относительно же *голосовъ*, которыя слышу, думаю что *это мои собственные мысли*.

3) N. 24 л. 14/xi 1902 г. „Галлюцинаціи первоначально у меня выражались въ томъ, что я слышалъ по ночамъ голоса, каковыя, мнѣ казалось, происходили отъ того, что мой квартирохозяинъ имѣлъ какой то кинематографъ, который онъ приводитъ въ дѣйствіе ночью. Вечеромъ 11 и 12 я временами слышалъ голоса хозяина и его двухъ дочерей, которые, мнѣ казалось, видятъ меня и даже читаютъ мои мысли. Въ ноябрѣ утромъ, начавъ заниматься, я услышалъ, что черезъ окна сосѣдней комнаты прорывается чей-то *голосъ*, который *повторяетъ всѣ мои слова, произносимыя во время занятій*

и даже мысли. Прислушавшись я узналъ, что это голосъ младшей дочери хозяина. Продолжалъ заниматься далѣе, я слышалъ тотъ же голосъ. Предположивъ, что это какія-нибудь спиритическія шутки со стороны дочери хозяина, я немедленно отправился на квартиру предупредить ее, чтобы она прекратила эти шутки, такъ какъ голосъ ея мѣшаетъ заниматься другимъ, что можетъ повести къ увольненію меня отъ службы въ Обществѣ (мнѣ казалось, что голосъ ея слышенъ всѣмъ служащимъ, занимавшимся въ сосѣдней комнатѣ, черезъ окна которой онъ проходилъ, и такъ какъ голосъ этотъ называлъ меня по фамиліи, то всѣ рѣшили, что я имѣю дѣло съ „духами“. Въ дѣйствительности же, разумѣется, этого голоса никто не слышалъ). Дочь хозяина увѣряла, что сама не знаетъ, отчего ея голосъ слышенъ въ конторѣ и удивлена этимъ не менѣе меня. Однако я ей не повѣрилъ и пригрозилъ заявить объ ихъ колдовствѣ градоначальнику или полицеймейстеру. Вернувшись въ контору и начавъ заниматься, я снова слышалъ *голосъ* дочери хозяина, *повторявшій мои слова и мысли*, во все время занятій. Выйдя изъ конторы я пошелъ посоветоваться по этому поводу съ д-ромъ, но не засталъ его дома. Прогулявшись нѣкоторое время, я пошелъ на квартиру. Въ 7 час. обѣщаль быть у меня сослуживецъ. Прождавъ его напрасно часовъ до 9-ти, я вызвалъ его жену (т. е. представилъ въ своемъ воображеніи ея лицо, назвалъ по имени и этого было достаточно, чтобы она отозвалась и я, сколько угодно, могъ разговаривать съ ней. Такому разговору на разстояніи съ какимъ угодно лицомъ, мнѣ казалось научилъ меня хозяинъ посредствомъ своего колдовства). Когда М. отозвалась, я спросилъ ее, почему не пришелъ ко мнѣ ея мужъ, который долженъ былъ принести мнѣ деньги. Она отвѣчала, что къ нимъ пришли бухгалтеръ конторы и одинъ изъ сослуживцевъ—студентъ, съ которыми онъ пошелъ на биржу на студенческой балъ, при чемъ обѣщали мнѣ деньги завтра утромъ (14-го). При этомъ мнѣ казалось, что семейство хозяина слышитъ всѣ наши разговоры и переговарясь между собой, выводитъ на основаніи ихъ какія то заключенія. Вскорѣ я легъ спать и услышалъ голосъ М., которая умоляла больше ее не тревожить. Я мысленно отвѣчалъ, что уже легъ спать и даже пересталъ думать о ней; забывшись на нѣкоторое время я былъ разбуженъ неизвѣстно откуда исходящими

голосами, которые произносили непонятныя для меня слова. Я вскочилъ съ постели и началъ ходить по комнатѣ, при чемъ меня одолѣваль *страхъ*, и я весь *дрожаль*. Походивъ нѣкоторое время, я опять легъ въ постель. Мнѣ почему то представилось, что завтра (14-го) уѣзжаю въ отпускъ на родину, почему я вызваль Л., чтобы проститься съ нимъ. Л., немедленно отозвался, и я послѣ извиненія за беспокойство, спросилъ его, не удивленъ онъ новымъ способомъ разговоровъ на разстояніи. Тотъ отвѣчалъ, что онъ ничего не находитъ удивительнаго въ такомъ способѣ разговоровъ, такъ какъ де онъ открытъ наукой. Я долго разговариваль съ нимъ по поводу своего отъѣзда. Прощаясь съ нимъ, я плакалъ, отчасти отъ предстоящей разлуки, но главнымъ образомъ отъ охватившей меня тоски. Вдругъ я услышалъ сильный плачь жены Л., причиной котораго, мнѣ казалось, былъ мой разговоръ съ нимъ, подѣйствовавшій на нее, какъ гипнозъ. При этомъ Л. ругала меня и новый способъ разговоровъ на разстояніи, онъ же просилъ меня лечь спать, намочивъ голову холодной водой; я обвязаль голову мокрымъ полотенцемъ, но уснуть не могъ. Между тѣмъ неистовый плачь Л. продолжался, почему Л. очевидно предполагавшій, что я еще не легъ спать, снова просилъ меня объ этомъ. За меня отвѣчало семейство квартиро-хозяина, что я уже давно лежу въ постели. Въ тоже время я слышалъ, какъ Л. успокаиваль жену, говоря, что я всѣми силами стараюсь снять гипнозъ, но это де не въ моей власти, но всетаки просилъ меня перенести свой взглядъ и мысль на какое нибудь другое лицо, каковой приемъ яко бы испытанный, долженъ былъ снять гипнозъ съ Л., и перенести его на другое лицо. Въ это время я какъ бы невольно вспомнилъ о М. съ которой разговариваль вечеромъ и тотчасъ же услышалъ отчаянный плачь послѣдней и мольбы оставить ее въ покоѣ. Я отвѣчалъ, что самъ испытываль *ужасныя мученія*, но ни какъ не могу отогнать свои мысли о ней. Я слышалъ также голосъ ея мужа, который просилъ меня оставить ихъ въ покоѣ. Послѣ того, какъ я перенесъ гипнозъ на М. плачь Л. прекратился и она вмѣстѣ съ мужемъ хладнокровно, даже съ улыбкой. слѣдила затѣмъ, на кого я переношу гипнозъ, при чемъ Л. просилъ меня, чтобы я по возможности старался не переносить гипнозъ на нихъ и М., такъ какъ онъ причиняетъ имъ страшныя страданія.

Стараясь исполнить просьбу, я напрягалъ всё усилія, чтобы не вспомнить объ упомянутыхъ лицахъ и переносилъ гипнозъ, то на своихъ родныхъ, съ которыми разговаривалъ на 2 хъ тысячеверстномъ разстояніи о предстоящемъ приѣздѣ, то на кого нибудь изъ постороннихъ лицъ, которыя мнѣ легче всего приходили на память или руководствовался въ этомъ случаѣ указаніями своего квартирохозяина, который, какъ мнѣ казалось, наблюдалъ за мной и подѣ диктовку котораго я какъ бы бессознательно повторялъ имена и фамиліи тѣхъ и другихъ лицъ, на которыхъ переносилъ гипнозъ. При этомъ мнѣ казалось, что всё лица, на которыхъ я переносилъ гипнозъ, видягъ меня, а также видятъ другъ друга въ той обстановкѣ, въ который каждый изъ нихъ находился во время гипноза. Вдругъ я услышалъ голосъ Л., который просилъ у меня прощенія за то, что не предупредилъ меня, чтобы я не наводилъ гипнозъ на градоначальника, такъ за это меня можетъ постигнуть строгое наказаніе. Я слышалъ голосъ гипнотизируемаго мною градоначальника, который ругалъ меня за то, что я яко бы осрамилъ его передъ всѣмъ городомъ благодаря своему гипнозу, онъ приговорилъ меня къ наказанію.

Я прощался съ родными и слышалъ сильный плачь матери, тетки, а также просилъ М. чтобы онъ сообщилъ о моей казни всѣмъ товарищамъ-сослуживцамъ, дабы я могъ проститься съ ними. Я слышалъ сильный голосъ градоначальника, который приказывалъ квартирохозяевамъ не давать мнѣ ни обѣда, ни вина, ни табаку. Когда меня везли въ больницу, я слышалъ съ одной стороны раскатистый смѣхъ, сквозь котораго прорывались слова „эхъ, Магарычъ, Магарычъ“. Мнѣ казалось, что это издѣвается надо мной хозяинъ, доведшій меня своимъ колдовствомъ до смертной казни. Съ другой стороны я слышалъ громовой голосъ градоначальника, который ругалъ меня за то, что я не могъ снять съ него гипнозъ.

Въ больницѣ я первое время слышалъ чудное пѣніе и былъ сравнительно спокоенъ, но такое состояніе длилось недолго. Въ моемъ *воображеніи* снова предсталъ градоначальникъ, и сердце мое начало щемить отъ предчувствія чего-то недобраго. Я всѣми силами старался отогнать отъ себя этотъ образъ, но онъ точно нарочно держался въ моемъ *воображеніи*.

Вдругъ я услышалъ сильные стоны градоначальника и страшныя ругательства по моему адресу.

Оказалось, что своимъ воспоминаніемъ о градоначальникѣ я опять навелъ на него гипнозъ. Я слышалъ кругомъ б—цы пѣсни и дикій хохоть.

Когда меня позвали въ кабинетъ д-ра, я разговаривалъ съ градоначальникомъ о его болѣзни. Мнѣ казалось, что онъ слышитъ всѣ наши разговоры съ д-ромъ и радуется, что наконецъ найдена причина образованія нарывовъ. Д-ръ и фельдшеръ заявили мнѣ, что они не слышатъ никакого голоса, чѣмъ я былъ немного удивленъ.

Когда я успокоился, у меня явилась мысль бѣжать изъ б—цы; градоначальникъ, читавшій мои мысли, пригрозилъ, что задушитъ меня подушкой и обливъ сѣрной кислотой сожжетъ. Я нѣсколько разъ вскакивалъ съ постели, намѣревался бѣжать, но слугителя ловили меня и снова укладывали въ постель.

Въ комнатѣ плавилось золото, которымъ предполагалось выжечь мнѣ глаза. Градоначальникъ меня помиловалъ и обѣщаль меня произвести въ чинъ поручика, но я увѣренъ былъ, что хотя мой хозяинъ раскаялся, но при первомъ удобномъ случаѣ, опять постарается очернить меня передъ градоначальникомъ. Дѣйствительно, послѣ обѣда (16-го) я услышалъ наверху какіе-то голоса, между которыми особенно выдѣлялся голосъ хозяина, который грозилъ мнѣ отомстить за то, что я узналъ и сообщилъ градоначальнику о его колдовствѣ. Мнѣ представилось, что онъ и его сообщники носятъ по 2 этажу больницы въ видѣ духовъ.

Наверху я слышалъ также голосъ градоначальника, затѣмъ у меня блеснула мысль, что никакого градоначальника наверху нѣтъ, а роль его разыгрываетъ хозяинъ.

Ночь съ 16 на 17-е я спалъ спокойно, но безъ всякихъ галлюцинацій. 17-го я слышалъ отдаленные звуки какихъ-то голосовъ“.

(Окончаніе слѣдуетъ).